

Ю. ТУПИЦЫН

ЗЕЛЕНАЯ ЖЕМЧУЖИНА

Фантастический рассказ

1

Слепящее золотисто-зеленое солнце тонуло в изумрудном море. Пронзительно желтое небо по мере удаления от солнца наливалось бирюзой и постепенно приобретало прозрачный опаловый цвет. Редкие облака, висевшие над морем пышными шапками, играли голубыми огнями и синими тенями. Море сонно колыхалось, морща солнечную дорожку — реку зеленоватого фейерверочного пламени.

Лобов опустил руку, которой прикрывался от колющих лучей солнца, и перевел взгляд на берег. Зеленый мир! Даже белоснежная полоса песка казалась сейчас зеленой и походила не столько на песчаный пляж, сколько на лужайку, поросшую весенней травкой. Зато трава, иглы елей и листья пальм сверкали темной медью и бронзой, и только малахитовые прожилки да узоры говорили о том, что и они рождены этим зеленым миром.

Нахальные пальмы заняли на пляже самые лучшие места. Изогнув тонкие талии, они в самозабвенной неподвижности смотрелись в темную воду лагуны. Ели робко выглядывали из-за их спин, видно, очень хотели, да никак не решались подойти поближе к воде и с досады швыряли в зеленый песок свои украшения — большие ярко-синие шишки. Только одна елочка, про-

скочив между пальмами, застыла у самого обреза воды. Наверное, елям не полагалось подходить так близко к морю. Волны, добежавшие сюда в непогоду, подточили ее корни, елка угрожающе наклонилась и готова была упасть на песок под первым же порывом ветра. И все-таки она расцвела, украсив себя убогим нарядом недоразвитых шишек.

Лобов улыбнулся, поражаясь этой настырности природы, огляделся, подобрал выброшенный морем тонкий древесный ствол, очистил от остатка ветвей, глубоко воткнул в песок рядом с елочкой и накрепко привязал ее к этому шесту. Полюбовавшись на свою работу, он подошел к воде — вымыть руки.

Огромное зеленое солнце, на которое теперь можно было смотреть, почти не щуря глаз, коснулось своим краем моря. Казалось, море вскипит и ринется в небо бурлящим радужным облаком. Но ничего такого не произошло. Мир дремал под мелодичный аккомпанемент птиц-колоколов. И чем больше погружалось солнце в море, все растягиваясь по горизонту и темнея, тем смелее звонили птицы. «Динь? Дон?» — звучал среди пушистых оранжевых игл робкий вопрос. А в ответ над салатным пляжем, над медной травой и черным морем, политым изумрудным огнем, стелился, уносясь вдаль, густой и сочный удар колокола: «До-он!»

— Иван, — донесся в пикофонах голос Кронина. Лобов очнулся от раздумья, встряхнул мокрые руки — на песок полетели капли воды, похожие на шарики ртути.

— Слушаю.

— Я нашел скелет аборигена-антропоида.

Лобов еще раз, теперь уже машинально, встряхнул руки, осмысливая услышанное.

— Антропоида?

— Да. И он так похож на останки человека, что даже страшновато. Может быть, прилетишь?

Лобов огляделся. Зеленое солнце тонуло в море. Над медно-зеленым лесом вздымалась, рассекая опаловую даль, черная колонна «Торнадо». На вершине корабля горел рубиновый огонь маяка, казавшийся чужим и тревожным в этом зеленом мире.

— Поздно, Алексей. Вызывай Клима. Голографируйте находку и на корабль.

2

«Торнадо» был в космосе, на полпути к Земле, где должен был стать на капитальный ремонт в лунных эллингах звездных кораблей, когда Лобова гравитограммой пригласили на разговор с базой. Оставив Клима и Алексея маяться догадками, Лобов прошел в рубку лонгсвязи, включил линию и увидел на экране озабоченное лицо своего старого товарища — начальника базы галактических исследований Всеволода Снегина.

— Иван, только что с Перл получен сигнал бедствия. «Торнадо» ближе других кораблей к этой планете. — Снегин сощурил в легкой улыбке свои холодноватые синие глаза. — Дойдете без капитального ремонта?

— Дойдем, — задумчиво проговорил Лобов, недоуменье

вдруг отразилось на его лице. — Но, Всеволод, на Перл же никого нет. Станция законсервирована!

— Да, — хладнокровно подтвердил Снегин, — и все-таки сигнал бедствия оттуда получен.

Иван кивнул головой в знак понимания и снова задумался, потирая лоб.

— Подробности?

— Никаких подробностей. Одиночный сигнал бедствия, вот и все. На запросы станция не отвечает. Скорее всего это неисправность связной аппаратуры. Может быть, и какая-то другая случайная причина. Но сигнал есть сигнал, надо выяснить, в чем дело. А вдруг?..

— Понимаю, — серьезно сказал Лобов, — в нашем деле нельзя без этого «а вдруг».

Перл, жемчужиной, назвал планету начальник экспедиции «Кентавр» Жан Верней, француз по происхождению. Для такого имени были основания. Перл была планетой-архипелагом, если не родной, то двоюродной сестрой Земли. Суша ее не образовывала мощных континентальных платформ, а состояла из бесчисленного множества больших и малых островов, рассеянных по глобальному океану. Собственно, не было и глобального океана, были большие и малые моря, на которые этот океан был рассечен ветвями и цепочками островов. Потому на Перл не было ни жестоких штормов, ни опустошительных ураганов, повсюду, кроме самых высоких широт и узкой экваториальной полосы, царил мягкий теплый климат.

Биологический закон, согласно которому островная флора и фауна представляют собой миниатюризованную копию континентальной, проявлял себя на Перл в полной мере. Самым высоким деревом здесь была десятиметровая пальма, очень похожая на кокосовую. Самый грозный хищник — гигантский горностаей — не превышал ростом крупную кошку, а великан среди растительноядных — меченосная антилопа — была с земного сайгака величиной. В общем, с точки зрения человечества, как объект последующего заселения Перл была действительно настоящей жемчужиной Галактики.

Вскоре, однако, Перл показала, что у нее, как и у многих других красавиц, крутой и коварный характер: в одну из лунных ночей бесследно исчезла гидролог экспедиции, жена Жана Верней — Майя. Отличная пловчиха и ныряльщица, чемпионка Олимпийских игр по подводному спорту, Майя стала инициатором не только дневных, но и ночных исследований морской лагуны. В одну из лунных ночей она в одиночку покинула корабль и не вернулась. Больше того, во время ее поисков столь же загадочно и бесследно исчез и начальник экспедиции муж Майи, Жан Верней.

Обсудив эти трагические происшествия, совет космонавтики пришел к выводу, что индекс безопасности Перл установили с крупной ошибкой. Он постановил: вернуть экспедицию «Кентавр» на Землю, научную станцию законсервировать, а планету дополнительно обследовать патрульными кораблями.

Эти обследования, с перерывами продолжавшиеся целых четыре года, не прибавили к знаниям о Перл ничего нового. Не было найдено никаких следов и пропавших супругов Верней.

Алексей Кронин нашел аборигена, когда вместе с Климом прочесывал лес в северном углу острова. Под ногами инженера обвалился склон неглубокого оврага, и он благополучно съехал по откосу вместе с пластом рыхлой земли и рыженьким мелколистным деревцем, увешанным круглыми ядовито-зелеными плодами. На дне оврага деревце медленно, точно нехотя, повалилось на Алексея, задирая к опаловому небу черные, сведенные судорогами корни. Ядовито-зеленый плод, коснувшись плеча инженера, глухо взорвался, осыпав его розоватым облачком пыльцы, пахнувшей фиалками и навозом. Тотчас же нестройной серией взорвалось еще несколько плодов. Клубившееся розоватое облако пыльцы сделало золотисто-зеленое солнце ртутным. Над оврагом с тревожным звоном заметались стремительные тени золотистоглазых птиц.

Выбираясь из завала — инженера по колено засыпало рыхлой землей, — он и ругался и посмеивался, отряхивая с себя землю и пахучую — не поймешь, приятную или противную, — пыльцу.

— Что случилось? — послышался в пикофонах голос Клим, который двигался параллельным маршрутом метрах в пятидесяти и, конечно же, слышал поднявшийся переполох.

— Ничего, стреляющее дерево, — ответил Алексей, не вдаваясь в подробности. Ему не хотелось, чтобы Клим видел его в этой смешной ситуации, а стреляющее дерево не было дивом — с ним они уже встречались несколько раз. Хорошенько отряхнувшись, Алексей оглядел обнажившийся склон холма и заметил наверху, с самого края оползня, белый, отлично сохранившийся скелет с ярко выраженными антропоидными чертами.

Сначала инженер просто удивился, как он удивился бы такой неожиданной находке и на Земле: скелет, любопытно. Откуда он здесь? И только потом Алексея будто ожгло: ведь он на чужой планете! Инженер огляделся вокруг: перезвон встревоженных птиц, опаловое небо, тающее облако розовой пыльцы — и скелет, удивительно, пугающе похожий на человеческий. Находка, которая разом могла прояснить все тайны этой планеты. Сдерживая волнение, Алексей взобрался наверх и, осторожно действуя карманным виброманипулятором, очистил скелет от остатков земли. Человеческие черты находки проступили при этом так ярко, что Алексею стало жутковато. Никак не верилось в реальность происходящего. Зеленое солнце и хрупкий человекоподобный сапиенс не хотели увязываться друг с другом. Наваждение?

Кронин отошел в сторонку, присел на пенек и снова взглянул на обвалившийся склон оврага. Скелет был на месте. Пожалуй, абориген-антропоид дальше и выше человека продвинулся по пути сапиенсации. Его череп по сравнению с недоразвитым хилым тельцем был огромен, крутой выпуклый лоб тяжело нависал над малюсеньким лицом. Единственно, что сглаживало впечатление интеллектуальной мощи, так это рост — абориген был не больше метра высотой, лилипут, карлик по сравнению с человеком. Но что значит рост, когда речь идет о разуме, о духовном величии расы? Вряд ли можно было сомневаться —

склон оврага хранил останки подлинного хозяина планеты, погибшего, кстати, совсем недавно.

Возле скелета села черная золотоглазая птичка, выбила звонкую трель своим колокольным голосом и принялась разглядывать Алексея, и так и этак поворачивая головку. Инженеру стало не по себе в этом вечернем, понемногу тонущем в сумерках лесу. Он подобрал синюю шишку, слабо пахнущую мятой, швырнул ее в любопытную птицу. А потом вызвал Ивана.

4

Посадка «Торнадо» на планету по странному сигналу бедствия не только не прояснила, но еще больше запутала ситуацию. Научная станция оказалась законсервированной и нетронутой. За одним-единственным исключением: окно в рубку связи было выжжено лучевым пистолетом. Контрольные приборы беспристрастно зафиксировали, что гравитостанция по команде ручного манипулятора послала в космос один-единственный всенаправленный сигнал бедствия.

Инженер, который по просьбе Лобова со всей возможной тщательностью обследовал выжженный проем окна, уверенно комментировал:

— Операция произведена стандартным лучевым пистолетом. Тот, кто проводил ее, нервничал или торопился — смотри, какой неровный след.

На секунду задумавшись, он обернулся к командиру:

— Ты хорошо знал Вернея?

— Встречаться приходилось, не более того.

— Он не был левшой?

— А что такое? — заинтересовался Иван.

— Да я могу гарантировать, что здесь орудовали левой рукой.

Лобов грустно улыбнулся.

— А если левым щупальцем?

— Может быть, — согласился спокойно инженер, — но луч бил под некоторым углом, слева направо.

Кронин недоуменно пожал плечами, проводя по оплавленному следу пальцем.

— Зачем Майе и Жану надо было выжигать окно?

— Ума не приложу! Они спокойно могли воспользоваться дверью.

Лобов оглядел здание.

— Дверь далеко. А они могли спешить, отчаянно спешить.

— Почему?

— Этого я не знаю.

— Да не могли они настолько спешить, чтобы не оставить записки или диктофона!

— Кто же тогда выжег окно?

Инженер только вздохнул в ответ. В самом деле, за четыре года детальных исследований на Перл не было обнаружено никаких признаков живых существ, которые оказались бы способными воспользоваться трофейным лучевым пистолетом и включить гравитостанцию. Да и зачем?

Когда Лобов доложил по лонглинии обстановку Всеволоду Снегину, тот после небольшого раздумья решил:

— Сегодня же вынесу на совет вопрос о посылке на Перл большого исследовательского корабля. А вы свою миссию можете считать законченной. Стартуйте — и счастливой звездной дороги к Земле.

— Один вопрос, — просительно сказал Иван, — ты не знаешь, не был ли кто-нибудь из Вернеев — Жан или Майя — левшой?

— Не скажу о Майе, — Снегин смотрел на Ивана со сдержанным интересом, — но Жан был левшой, это точно.

— Вот как, — довольным тоном констатировал Лобов, — тогда разреши нам задержаться на Перл еще на недельку.

— Зачем?

В серых глазах Лобова мелькнула и пропала искра улыбки.

— Мы подождем полнолуния.

Снегин шевельнул бровью, присматриваясь к Ивану.

— А почему именно полнолуния? Почему не грозы или землетрясения?

— Видишь ли, Всеволод, и Майя и Жан пропали не в грозу, а в полнолуние. В самое полнолуние.

— Любопытно, — Снегин вдруг улыбнулся, — до чего же вы дотошные и скрытные люди. Ну да ладно, пусть будет по-вашему. Жду доклада в полнолуние.

Шагая по медной с малахитовыми прожилками траве на тревожный рубиновый огонь «Торнадо», Лобов думал о странной находке товарищей, которая вдруг перечеркнула все его предположения. А еще о том, что полнолуние наступало послезавтра.

5

Зеленые лучи заходящего солнца уже не достигали земли. Они падали на вершины деревьев, с трудом пробивались сквозь густую медную листву и тянулись полосами почти параллельно уже посеревшей, покрытой редкой травой лесной почве. В теплом сумраке леса было так тихо, что отчетливо был слышен каждый звук: редкий звон птицы, шорох травы под ногами, удар тяжелой шишки о землю.

— Не возьму в толк, — вполголоса, но сердито сказал Клим, поправляя рюкзак за плечами, — причуды этой цивилизации. За счет чего существуют эти человекоподобные лилипутики? Почему они прячутся от нас, словно от прокаженных?

— Может быть, они невидимы, бестелесны и становятся сами собой лишь после смерти или глубокой ночью, когда на небе полная луна.

Клим покосился на серьезное лицо Кронина и засмеялся.

— Причем по крику петуха, как нечистая сила, материализуются и тащат за собой в колдовские подземелья все живое, что только попадает. Так, что ли?

— Может быть, и так, — инженер был непробиваемо серьезен, — а может быть, они просто боятся.

— Чего?

— Нас. Нашей активности. Шума. Всех этих вездеходов, глайдеров и униходов. Нашей дотошности и холодной рациональности, нашего утилитаризма.

— Не проще ли вышвырнуть таких неприятных гостей с планеты?

— Может быть, они и вышвыривают, когда им сильно докучают. Недаром же нет никаких следов ни Майи, ни Жана.

Клим усмехнулся.

— Выходит, что здесь нечто вроде глобального дома отдыха, куда крутолобые лилипуты прилетают отдохнуть от трудов праведных, а может, и от разбойных дел?

— Не исключено. Присмотрись, — Кронин приостановился, вздохнул полной грудью, оглядываясь по сторонам. — Не чувствуется здесь первозданной дикости. Это не джунгли, не сельва и даже не тайга. Нет тут и ни муравьев, ни гнуса, ни москитов. Нет ядовитых змей и пауков. Я уж не говорю о львах и леопардах. Полудикий парк, где можно наслаждаться природой, гулять и развлекаться.

— Целая планета для игр и развлечений? Не слишком ли расточительно?

— Отнюдь, давай-ка теперь я. — Инженер забрал у Климса увесистый рюкзак, куда была уложена находка вместе с многочисленными образцами и пробами окружающей почвы, флоры и фауны, и продолжил: — Человек боготворит труд только до тех пор, пока он голоден, наг и неустроен. А когда первичные биологические инстинкты удовлетворены, ему становится ужасно скучно. И на смену труду приходит другое божество — развлечение, игра. Да что человек — играет все живое! Кошки, собаки, птицы, дельфины, рыбы. Наверное, амебы и медузы тоже играют, только они так далеки от нас, что мы не понимаем этих игр. А что такое величайшие открытия науки, как не результат азартной игры с темными и тайными силами природы?

— Долой труд, и да здравствует игра! — засмеялся Клим.

— Ну зачем же так легкомысленно, — сказал Кронин. — Без труда не вытащишь и рыбку из пруда. Но я убежден, что чем дальше мы будем восходить по дороге разума, тем все больше тяжкий осмысленный труд и бездумная радостная игра будут сливаться в некое сияющее целое, о котором мы пока и понятия не имеем.

— А мы не ослепнем от этого сияния?

— В крайнем случае можно будет надеть очки.

— Игра, — в раздумье повторил штурман, — может быть, и игра. Но игры редко кончаются смертью, Алексей. А в этих лесах каким-то загадочным образом погибло три сапиенса: Майя, Жан и вот этот товарищ, наиболее прочные детали которого лежат у тебя за спиной. Жан и Майя были космонавтами, людьми, которых специально готовят для встречи с неожиданным. Какая уж тут игра! Жестокость!

— Мне надоели разговоры о жестокости разума.

— Почему обязательно разума? — возмутился Клим.

— А разве нет? У меня из памяти не выходит мощный, могучий лоб, — Кронин встряхнул рюкзак, — этого существа.

— Дался тебе этот лоб! А может быть, под ним пустота. Может быть, этим лбом лилипутики разбивают пальмовые орехи, а не мыслят.

— Ну ты все-таки ерник, Клим.

— А может быть, такие могучие лбы нужны этим типам для

брачных схваток. Разбегаются и, как бараны, лоб в лоб. У кого лоб массивнее, тот и победитель!

Кронин не сдержал улыбки, но тут же посерьезнел и приостановился.

— Глайдер.

Крылатая машина была почти незаметна в сгустившемся сумраке. Но ее чуткие приборы уже уловили приближение людей, и они приветливо замигали бортовыми огнями: зеленым на правой плоскости и красным на левой.

6

Лобову не спалось. Его усталый мозг механически снова и снова перебирал факты, на которых он останавливал днем свое сознательное внимание. Этот пестрый хоровод, лишенный логики и цельности, начинал крутиться то сначала, то с конца, то с середины, оставляя чувство неудовлетворенности и смутного беспокойства.

Как бы то ни было, все говорит за то, что именно Жан Верней побывал на научной станции — окно выжжено левой рукой, а Жан был левшой. Жан добрался до гравитостанции, а дальше принялся действовать явно в противоречии с логикой и здравым смыслом. Ведь, казалось бы, самое разумное — вступить с базой в двустороннюю связь, но Верней этого не сделал. Он ограничился нажатием аварийной кнопки и снова исчез. Почему? Его могли заставить уйти, но это было ох как непросто сделать — у Жана был лучевой пистолет. Он бы не сдался так просто, остались бы следы борьбы и лучевого оружия. Следовательно, заставить — отпадает. Жан Верней ушел сам. Видимо, он очень спешил, экономил буквально каждую секунду: он выжег окно, а не воспользовался дверью, он не стал говорить, ограничившись однократным нажатием аварийной кнопки. Жан отчаянно спешил, для него или для Майи это был вопрос жизни и смерти. Но тогда он должен, обязан был воспользоваться каким-то транспортом. Между тем в ангаре научной станции спокойно стоят законсервированные униход, два глайдера и катер — эти традиционные средства исследования планет.

Сон отлетел неслышно, как летучая мышь. Хоровод фактов распался, голова стала ясной и холодной. Традиционные, стандартные средства Иван сел на постели. Может, дело в том, что, осуществляя поиск, они обращали внимание лишь на стандартное? А дороги к истине часто лежат через исключения.

Лобов встал, включил свет и принялся неторопливо одеваться. Не было ли в распоряжении экспедиции «Кентавр» нестандартных транспортных средств? Ведь это была целая экспедиция, а не патрульный корабль! Скажем, аппаратов для высотных, глубоководных или подземных исследований.

Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить товарищей, Иван прошел в ходовую рубку корабля и достал из сейфа документы, относящиеся к снаряжению экспедиции «Кентавр». В списке транспортных средств он без труда обнаружил то, что искал, — геологический бот для подземных исследований.

Закрыв сейф, Иван заколебался — разбудить товарищей или обследовать ангар одному? Ангар располагался рядом со стоянкой «Торнадо» в зоне защитной сигнализации, так что опасности

практически не было никакой. А тревожить товарищей из-за своих более чем проблематичных предположений Ивану не хотелось. Наконец решившись, Лобов прошел в шлюзовую камеру, надел легкий защитный костюм, вооружился лучевым пистолетом и мощным карманным фонарем. Распахнув наружную дверь шлюза, Лобов невольно приостановился. Прохладный колючий воздух пахнул в лицо, погладил кисти рук. Совсем низко над лесом висела огромная рыжая луна, пронзенная вершиной старой ели. К кораблю из сиреневой темноты неслышно подбиралась целая армия остроголовых призраков-елей: впереди малыши, жавшиеся к самой земле, за ними любопытные подростки, а позади темные исполины, тянувшие строгие головы к звездам. Странно, но Ивану почудилось, что вот сейчас из сиреневого сумрака, взявшись за руки, выйдут Жан и Майя, выйдут и окликнут его. И этот момент никак нельзя упустить, потому что они снова исчезнут, и тогда уже навсегда. Не чувствуя, как за ворот защитной куртки ползут колючие струйки холодного воздуха, Лобов до боли в глазах глядывался в темноту, но вокруг были молчаливые, неподвижные ели, одни ели. Ни шороха, ни звука, ни движения воздуха. Испуганный, затаившийся, зачарованный кем-то мир.

Слегка досадуя на себя, Лобов стряхнул наваждение чужой лунной ночи, спустился по трапу на землю и дорожкой, которая обозначалась синими светляками фонариков, направился к ангару. Фонарики зажигались впереди и сразу же гасли, едва Иван проходил мимо них. В ночной тишине звуки шагов казались неестественно громкими.

Лобов не стал открывать центральную дверь, через которую выводили машины, а прошел в ангар малой боковой дверцей. В помещении вспыхнул рассеянный дежурный свет. Он упал на крылатые глайдеры, на униход, похожий на большого черного жука, на стремительное серебристое тело морского катера.

Оглянувшись, Иван в гулкой ангарной тишине прошел вперед и там за временной переборкой увидел то, что искал, — тяжелую отливающую синевой сигару геологического бота. Достав карманный фонарик, Лобов осветил его острым слепящим лучом.

На синеватом корпусе машины заиграли тусклые блики, зеркалами вспыхнули, погасли и снова вспыхнули, повинувшись движению светового луча, овальные иллюминаторы кабины. В монолитном корпусе, рассчитанном на тысячетонные нагрузки, Лобову почудилась тонкая черная щель. Сразу насторожившись, он подошел к боту вплотную, и сердце у него екнуло: входной люк кабины не был загерметизирован; между краями крышки и корпусом оставалась тонкая миллиметровая щель. Ее не было заметно ни днем, ни при ангарном освещении, она проявилась лишь в узком, косо падавшем луче карманного фонаря.

Иван нажал кнопку подъемного механизма, и, пока тяжелая крышка торжественно и бесшумно поднималась, открывая в синеватом металле черный провал, ногой пододвинул к кабине стремянку, поднялся на три ступени и заглянул внутрь.

На месте водителя, уронив голову и руки на пульт управления, сидел Жан Верней. Ему хватило сил только на то, чтобы добраться от связной рубки до бота и умереть.

Есть сколько угодно лавинообразно развивающихся реакций: обвал, обычные и ядерные взрывы, формирование новых видов животных на специфичной генетической основе, цепочка научных открытий после формулировки ранее неизвестного фундаментального закона природы. Полушутя-полусерьезно Клим утверждал, что и случайные находки — счастливые и несчастливые — подчиняются тому же принципу. Стоит сделать одну, как они начинают сыпаться как из рога изобилия. Поиски на Перл еще более утвердили его в этом мнении. Совершая ежедневный контрольный облет острова, Клим наткнулся на такой феномен, что после короткой посадки прекратил выполнение задания и вернулся на корабль.

Лобов, который вместе с Алексеем занимался профилактическим осмотром унихода, при виде Клим посмотрел на часы и спросил:

— Что случилось?

Клим с некоторой торжественностью извлек из кармана большую ярко-синюю шишку и протянул ее командиру.

— Ну и что? — спросил недовольно Иван, машинально беря ее правой рукой. И прикусил язык. Форма шишки была поразительна. Она представляла собой точную копию корпуса «Торнадо». У Кронина, который смотрел через плечо командира, вытянулось лицо.

— Это с той самой елочкой, которую вчера Иван привязал к шесту, — уведомил штурман, наслаждаясь изумлением товарищей, — и все шишки такие. Все до единой!

— Да-а, — несколько растерянно протянул Иван, не пытаясь скрыть удивления.

— Копия корабля, — сообщил Клим таким тоном, точно он собственноручно изготовил эту копию.

— Да копия-то какая! — взглядом попросив разрешения, Алексей осторожно взял чудо-шишку у Ивана и принялся внимательно разглядывать ее, поворачивая длинными ловкими пальцами. — Сохранены все главные детали: шасси, люки, антенны, иллюминаторы. Не шишка, а сувенир!

— А может быть, не сувенир, — Клим ревниво забрал свою находку из рук инженера, — а своего рода сигнал, обращенный к нам.

— Странный сигнал, — усомнился Лобов.

— Сигнал, конечно, совершенно необычный, — согласился Кронин, — но, возможно, аборигены не могут или не желают вступить с нами в прямые контакты, а другие сигналы мы не способны воспринять или не замечаем.

— Не доросли? — усмехнулся Клим.

— Не исключен и такой вариант.

— А если, — Лобов было замолчал, но потом все-таки продолжил, — если этот сигнал не от аборигенов, а от Майи Верней?

Космонавты переглянулись. В этот момент они вспомнили о Жане Вернее. Он страшно исхудал перед смертью, и труп его не столько разложился, сколько мумифицировался. Но что самое странное — Жан был с головы до ног выпачкан землей. Земля у него была не только на одежде, но и в волосах, в складках

Рисунки А. ГУСЕВА

кожи, в уголках глаз. А ногти у Вернея были забиты землей так, словно он голыми руками рыл себе ход и, как крот, прополз под землей. Он отчаянно спешил, но эта изнурительная предсмертная спешка привела его не в кабину глайдера, не в уникход, а в машину, которая может ходить под землей. Торнадовцы не сомневались, что аборигены держали супругов Верней в плену, где-то в подземелье. Когда Кронин в своей флег-

матичной манере высказал недоумение по поводу целей такого пленения, Клим зло спросил, что он думает по поводу целей содержания в земных зоопарках обезьян и медведей. Инженер тогда непривычно смутился и задумался. Может быть, поэтому он теперь немедленно поддержал командира.

— Как это нам сразу не пришло в голову? Да и как иначе Майя может подать весть о себе из подземелья?

— Значит, она жива? Тогда мы не имеем права медлить! — вскинулся Клим.

— Не будем пороть горячку, — спокойно сказал Лобов, — Майя, если она жива, смогла протянуть здесь целых четыре года. Вряд ли несколько дней могут что-либо изменить.

— Ты забываешь о судьбе Жана!

— Я думаю, — хмуро сказал командир «Торнадо», — что Жан Верней сам выбрал свою судьбу. Как бы то ни было, совершенно ясно одно: надо внимательно, детально обследовать и эту загадочную елку, и все, что ее окружает.

8

Клим вошел в кают-компанию так тихо, что Лобов, сидевший за микропроектором, его не заметил. Освещение было выключено, сумрак раздвигал стенки помещения, накинув покрывало таинственности на мебель и оборудование. Зато салатный столб солнечного света, врывающийся в овальный иллюминатор, казался до того осязаемым, что его хотелось погладить рукой. Этот контрастный неземной свет обливал зеленью обеденный стол и кресло, бросавшие на пол густые черные тени, зеркалом ложился на светлую стену, а самым краешком освещал затылок Лобова. Лицо Ивана, освещенное только отраженным рассеянным светом, казалось землистым, а голову его украшала какая-то чертовщина, не волосы, а трава или водоросли. Он был так непохож на настоящего живого Ивана, что Клим протянул руку и щелкнул кнопкой корабельного освещения. Миг, и теплый розоватый свет погасил таинственное сияние неземного солнца. Лобов поднял от проектора голову и двумя пальцами — большим и указательным — помассировал уставшие глаза.

— Что нового?

— Чудеса! — доверительно сообщил штурман, Иван видел, что он очень доволен результатами анализа.

Обследование удивительной елочки и прилегающей местности порядком затянулось. Были взяты образцы тканей самой ели и окружающих деревьев, пробы почвы, воздуха, воды, было заложено несколько шурфов разной глубины. С глайдера произвели съемку местности в различных лучах электромагнитного спектра, прочесали лагуну и побережье биолокатором.

Ничего сенсационного обследование не принесло, хотя мелочей набралось изрядно. Например, пробы почвы оказались заметно беднее микроорганизмами, чем в других районах Перл, вода лагуны несколько опреснена, болезнь елочки объяснялась не близостью ее к морю, а грибным поражением и так далее, и тому подобное. Никаких следов Майи Верней или заточивших ее в подземный мир аборигенов.

Данные обследования были введены в бортовой компьютер, а оному поставлена задача — обнаружить в отклонениях от нормы некоторую логику, систему. На машинный анализ сильно рассчитывал инженер, а Клим, который по роду деятельности общался с компьютером постоянно, не скрывал скептицизма. И оказался прав. Компьютер быстро запутался в прогрессивно ветвящейся сети вариантов и выдал обычный в таких случаях сигнал отказа работы. Пришлось Климу и Алексею всю предварительную оценку собранной информации брать на себя. Лобов от участия в этой работе отказался, сказав, что займется другими делами, а какими — сказать не пожелал.

— Чудеса? — переспросил Иван, с улыбкой глядя на штурмана.

— Чудеса. Оказывается, эта елка и не елка вовсе.

— Елка не елка — какое значение имеют эти ботанические тонкости?

— Ничего себе тонкости, — возмутился Клим. — Это же вообще не дерево!

Кронин, вошедший вслед за Климом в кают-компанию, подтвердил:

— Совершенно верно. Это гриб.

Лобов недоверчиво усмехнулся.

— Не сама грибница, не микориза, — поспешил пояснить инженер, — а ее плодовое тело.

— В общем, то самое, что называют грибом в обиходе, — уточнил штурман. — Этот гриб не так-то легко отличить от елки даже по химическому составу.

— Как же определили, что это гриб? — Лобов был настроен все еще скептически.

— По грибному вкусу, — засмеялся Клим, а Кронин пояснил:

— Корневая система этой ели — фикция. Она служит не для питания, а для поддержания этого псевдодерева. Функционирует же елочка за счет грибницы, которая подходит к ней из глубины леса толстым, в руку диаметром тяжем — переплетением гифов. Этот тяж отлично виден на одном из наших контрольных снимков.

— Действительно, чудеса, — по тону Лобова чувствовалось что он и заинтересован и озадачен. — Гриб выращивает нечто несовместимое со своей природой — елку, а ель, продолжая эту парадоксальную линию, — шишки, которые копируют космический корабль. Любопытно! Может быть, Майя Верней все-таки причастна к этому?

— Не исключено. Хотя для этого ей каким-то образом надо было ухитриться приручить гриб и заставить его действовать по своей воле.

Клим, присевший на подлокотник кресла, вздохнул:

— Дрессированные грибы, экзальтированные водоросли, мудрые пни... Чертовщина! Знаете, когда я установил, что елку окружают не грибные мимикранты, а настоящие порядочные деревья, легче на душе стало. А то нет-нет да и приходила в голову мысль: может быть, все-все, что мы видим вокруг, порождение некоего чудовищного, разъявшегося и разжиревшего гриба? Жуть!

Он засмеялся, видно было, что ему вовсе не жутко, а просто интересно, и глубокомысленно добавил:

— Уж куда лучше грибов дрессированных грибы жареные, особенно в сметане. Шампиньоны или рыжики? А?

— Н-да, — согласился Алексей, — кревоугодие — это, конечно, порок. Но хороший ужин разве не добродетель? Что ты думаешь по этому поводу, Иван?

Лобов поднялся на ноги.

— Как это ни печально, а с ужином придется поспешить.

— Это еще почему? — возмутился штурман.

— Надо выяснить, куда ведет тяж гифов, питающий елку.

После паузы Кронин спросил:

— Разумно ли это делать на ночь глядя? Не лучше ли подождать до утра?

— А где гарантия, что утром тяж будет на месте? — сказал Лобов. — И потом не забывайте — нынче ночью полнолуние.

9

Огромная, в два раза больше земной, голубая луна, выщербленная зелеными пятнами, торжественно парила в собственном сиянии под темным куполом неба, затмевая звезды. Сонно вздыхая, ворочалось чернильное море, лениво перекатывая на своей необъятной спине искры и пятна лунного света.

Клим, сделав щупом ранцевого биолокатора несколько мягких размашистых движений, вдруг сузил амплитуду, а потом уверенно прочертил по темной земле волнистую линию.

— Здесь этот тяж, никуда не делся, — довольным тоном сказал он.

— Отлично, — сказал Лобов и, связавшись с кораблем, сообщил эту новость Кронину.

Они заговорили, уточняя детали действий, ведь во время биолокаторного поиска связь невозможна, поэтому все нужно обговорить заранее. Клим выпрямился и покосился на командира. Он стоял рядом сказочным черным силуэтом, на его нейтральном скафандре играли синие блики. Чужая, загадочная луна щедро заливала притихшую землю потоками голубого света; теплый воздух звенел и дрожал под их напором. Конечно, это лишь чудилось, на самом деле звенели и тренькали светлячки, разноцветными мигающими искорками плавающие над землей то в одиночку, а то и целыми роями. За светлячками с кваканьем гонялись большеголовые крылатые твари, своим прыгающим, рваным полетом похожие не столько на птиц или летучих мышей, сколько на бабочек; их причудливые тени-кляксы нет-нет да и проскальзывали по сияющему лунному диску.

— Ты готов?

— Сейчас, — ответил Клим, переключаясь в деловое русло, — вот только настроюсь по резонансу.

Занимаясь этой тонкой операцией, он словно про себя говорил:

— Ночной дозор! Оружие, доспехи, тревога и бесстрашие в зорких очах — все как в рыцарские времена. Не хватает факелов и верховых лошадей.

И поскольку Иван отмолчался, спросил:

— Как ты думаешь, будет толк от нашей ночной прогулки?

— Не знаю. Но тяж грибницы — единственный материальный след, нельзя им не воспользоваться.

— А если это ловушка? — спросил Клим.

— Что поделаешь? Иногда приходится идти и в ловушку, — вздохнул Лобов.

Они пошли гуськом: впереди Клим, плавно покачивая щупом биолокатора у самой земли из стороны в сторону, будто косил траву, позади на дистанции в пять шагов Иван с оружием наготове, весь обратившийся в слух и зрение.

Темное небо, задернутое кисеей лунного сияния, пронзала черная игла «Торнадо», вздымавшаяся над зубчатой стеной леса. Корабль строго следил за космонавтами горящим красным глазом. Дул теплый черный ветер. Близкие ели походили на колышущиеся облака сизого тумана, пальмы устало качали кожистыми листьями-плавниками, на которых играли холодные металлические блики, — все старались, да никак не могли улпуть поближе к звездам, в низкое небо. Под ногами мягко и обиженно шуршала сочная трава, а иногда с тонким хрюканьем рассыпались по сторонам стайки длинноногих зверьков, похожих не то на лягушек, не то на тушканчиков.

— Узел! — сказал вдруг Клим, остановившись.

Выждав и осмотревшись, Лобов подошел к Климу и посмотрел на экран биолокатора: в самом деле, к тяжу грибницы, по которому они шли, подходил другой, заметно потоньше; тяжи сливались, образуя вырост, и далее шел тяж, увеличенный в диаметре. Потом попался еще узел и еще один; тяж грибницы теперь уже не был сплошным, а состоял из нескольких параллельных ветвей, которые вились причудливо, то расходясь петлями, то сливаясь снова.

Вдруг где-то впереди за деревьями, которые росли уже довольно часто, прозвучал глухой взрыв.

— Стой! — спешно приказал Лобов.

Клим остановился, напряженно вглядываясь вперед. Лунный свет пробивался сквозь кроны деревьев и ложился на землю синими пятнами. А там, впереди, за черной массой деревьев, Клим почувствовал другой, нелунный, зеленоватый свет.

— Что там? — спросил он Ивана, который осторожно приблизился к нему.

— Вспышка, и потом несильный взрыв, — рассеянно ответил Лобов, вглядываясь вперед, — а теперь свет. Можно подумать, что это отблески костра, но свет зеленый.

Клим нервно усмехнулся.

— А может быть, у них горят костры зеленым пламенем?

Лобов оставил шутку без ответа.

— Сворачивай локатор, — решил он наконец, — я пойду вперед, прикроешь.

— Иван, — просительно проговорил штурман.

— Не надо дискуссий, Клим, — мягко сказал Лобов, — не время.

Он подождал, пока Клим свернул свое хозяйство, и осторожно пошел вперед. На дистанции в пять шагов за ним бесшумной черной тенью последовал и Клим. Да, сомнений быть не могло — впереди ровно горел таинственный свет. Скоро он пробил-

ся напрямую, зелеными бликами лег на нейтрдную броню скафандров, подсветил снизу стволы пальм и кроны елей, по траве и подлеску потянулись густые черные тени. Еще несколько шагов, и Лобов оказался на краю большой поляны и замер, что подумать и что делать — изумляться, трепетать от страха или смеяться.

В дальнем конце поляны светил большой фонарь, а правильнее сказать — розовая лампа, прикрытая сверху, как шляпой или глубоким зонтиком, зеленым абажуром. Сооружение это покоилось на толстом, заметно сходящемся вверх на конус стволе и было лишь немногим меньше человеческого роста. Розовая лампа горела где-то в самой маковке зонтика, так что розовый свет не распространялся далеко, а образовывал яркое световое пятно диаметром метров пять-шесть, все же остальное пространство освещалось изумрудно-зеленым светом зонтика. По самому краю светового пятна, там, где розовый свет мешался с зеленым, водили хоровод... гномы. Гномы — именно это слово сразу пришло в голову Ивану. Ростом они были с белку, а лучше сказать, с суслика, у них были надутые бочкообразные тельца с короткими ножками, которыми они перебирали так часто, что, казалось, не шли, а катились по траве.

На этом бочкообразном тельце сидела круглая голова без носа и рта, с глазами-щелями, прикрытая сверху остроконечной шапкой. Эти шапки слабо светились — у одних гномиков красноватым, а у других — желтоватым светом. Гномы, этикие добродушные пузанчики, были всецело погружены в свое занятие и не обращали внимания на окружающее. Они двигались друг за другом по кругу, строго сохраняя дистанцию, наверное, половину человеческого шага, останавливались, поворачивались направо, налево, подпрыгивали и снова шли по кругу, но уже в другом направлении. Время от времени из верхушки центрального фонаря с шипением разлетался фейерверк разноцветных искр, и тогда гномики начинали прыгать особенно высоко.

Уловив неподалеку движение, Лобов резко обернулся — это был Клим. За прозрачным забралом шлема Иван видел его ошарашенное лицо, Лобов невольно улыбнулся, но тут же приложил палец к губам: ни звука! Клим успокоительно закивал головой. Они долго смотрели на этот завораживающий, колдовской хоровод гномов, а те все танцевали уверенно, деловито, как будто выполняя какую-то важную, хорошо им знакомую задачу. Какой в этом смысл, цель, значение? Ничего не было понятно, да, честно говоря, и не хотелось думать об этом — настолько красочным, необыкновенным было это зрелище.

Вдруг Клим стиснул руку командира. Лобов повернулся к нему, недоумевая. Штурман с заметной тревогой показал ему глазами вперед и в сторону. Лобов скосил глаза и увидел, что неподалеку от них на поляне пучится и опадает, пучится и вновь опадает земля, вставая все более и более крутым бугром.

Иван кивнул Климу, пригибаясь, отбежал на десяток шагов по краю поляны и прилег на землю. Едва Клим успел последовать его примеру, как раздался глухой взрыв, в воздух

вместе с комьями земли взлетел фейерверк искр, и все поблизости залило синим светом.

Из земли с натугой, в видимых корчах выползал, вытягиваясь вверх, двойник зеленого фонаря. Но он был не зеленым, а синим и гораздо более остроконечным, словно зонтик, прикрывавший ствол, был еще сложен. И точно, когда фонарь в

конвульсиях вытянулся во весь рост, зонтик с треском распахнулся, на поляну легло пятно оранжевого света и посыпались какие-то шары. Шары хлопали, разбрасывая рыхлую оболочку, и из их сердцевины, словно выброшенные невидимой пружиной, выскакивали гномы. Не прошло и десяти секунд, как на поляне кружился второй деловитый и озорной в одно и то же время хоровод. Некоторое время оба этих хоровода — зеленый и синий — существовали совершенно независимо друг от друга, они будто бы и не подозревали о существовании соседей, хотя существование это было столь фееричным, что не заметить его было определенно невозможно.

А потом что-то случилось, будто прозвучала чья-то неслышная властная команда, чье-то волшебное слово: колдовские круги разом разорвались, и цепочки, выписывая зигзаги, поползли, потянулись навстречу друг другу. Струи встретились почти на середине поляны, но не смешались, а образовали два соприкасающихся колеса, колеса эти незаметно для глаза перелились в восьмерку, и вот уже совершенно невозможно разобрать, какому фонарю принадлежит танцующий гномик. Они продолжали кружиться и подпрыгивать, и во время одного из таких особенно высоких прыжков спинка одного гномика лопнула, в воздухе вспыхнули радужные крылья, и он торжественно, неторопливо поплыл в воздухе, поднимаясь над лесом. И началась цепная реакция, хоровод разрушился, гномики теперь с отчаянной энергией прыгали в воздух, падали на землю, вновь, как мячики, взлетали вверх. Хлоп! Хлоп! То здесь, то там вспыхивал радужный ореол трепещущих крыльев, гномики в одиночку, стайками, но чаще всего парами разлетались во все стороны. Один из них, потянув слишком полого, зацепил верхушку деревца, под которым лежали космонавты, и упал буквально перед самым носом Клим. Такого искуса штурман не выдержал, и, пока гномик неуклюже поднимался на лапки и расправлял полупрозрачные перламутровые крылья, Клим выбросил вперед правую руку и цепко ухватил его поперек туловища. Гномик ощутимо пружинил под рукой, как слабо надутый резиновый мячик, он дергался, стараясь освободиться, глаза-щели сблизились углами, превратившись в почти правильные ромбики, но так и остались черными дырками — в них не было видно ничего похожего на глаза; пониже глаз прорезался крохотный, вороночкой внутрь ротик, из него послышался высокий, почти неслышный свист.

Клим машинально разжал руку, но было уже поздно: гномик раздулся втрое против обычного размера, превратился в почти правильный шар и взорвался, рассыпавшись фейерверком искр.

10

Лобов молча, обжигая губы, прихлебывал свой любимый напиток — крепкий горячий чай, просветленный кусочком лимона. Он слушал разговор друзей и лишь улыбался время от времени. Клим успевал все: и есть, и пить, и разговаривать.

— Я не на шутку разволновался, когда начались эти непонятные взрывы. Связи-то не было!

— Что нам могло сделаться в нейтральных скафандрах? — пренебрежительно сказал Клим. — Зато какое представление! Балет-феерия!

Он оглядел стол, пошевеливая пальцами, и вздохнул.

— Бутерброды и еще раз бутерброды. И это все, на что хватило твоей инженерной фантазии?

— Это не бутерброды, это сэндвичи, — скромно поправил Кронин с некоторой таинственностью, — а потом мне тоже пришлось поработать.

— Ладно, не оправдывайся, — рот Клим был забит бутербродом, а потому говорил он не совсем внятно, — скажи лучше, что ты думаешь об этой странной связи гриба и гномов?

— Об этом я пока не думал, но могу сообщить, что на Земле, в Южной Америке, есть муравьи-листорезы, которые специально выращивают грибы на подземных плантациях.

— Именно это и я имел в виду. Забыл, как называются эти муравьи.

— Есть два больших рода листорезов, — флегматично помог ему инженер, — ата и акромирмекс. Мини-особи почти невидимы простым глазом, а солдаты — больше сантиметра в длину.

— Откуда у тебя такие познания? — искренне удивился штурман.

— Видишь ли, мой старший брат патологически терпеть не мог рептилий и вместе с тем питал столь же патологическую страсть к насекомым, особенно общественным. Книжки, фильмы, коллекции, даже муравейники с настоящими живыми муравьями — все можно было найти в его комнате. Некоторые из этих тварей преобильно кусались. Ну и, чтобы обезопасить себя, я волей-неволей должен был взяться за их изучение.

— Ну как не сказать спасибо твоему брату? Что ты еще знаешь об этих акромирмексах?

— Что еще? — инженер погладил подбородок. — Гнезда их имеют до сорока-пятидесяти этажей и уходят в глубь земли на добрый десяток метров. Входы в муравейник сантиметров до десяти диаметром, а грибные плантации больше метра в поперечнике.

Алексей улыбнулся — с таким интересом слушал штурман его рассказ.

— Я вижу, ты полагаешь, что грибы-гиганты разводятся в подземелье те самые гномики, одного из которых ты держал в своих руках.

— Да, — сейчас же согласился Клим и тут же поправился: — Вообще-то, не совсем да. Скорее всего гномики — это эфемерная половая форма подземных животных, которые разводят грибы. Вроде пчелиных трутней.

Он помолчал, глядя вдаль, и продолжал, все больше и больше увлекаясь:

— Гномики треть метра ростом, раз в двадцать крупнее самого большого муравья. Укрупним соответственно гнездо твоих акромирмексов. И тогда глубина жилища гномиков будет измеряться десятками метров, грибные ниши, где располагают-

ся плантации, превратятся в настоящие залы. А входы — что твои ворота, по два метра высотой! В такой вход запросто можно затащить человека.

— Ты полагаешь, что Жан и Майя прожили в таком гномо-муравейнике добрых четыре года? — усомнился Кронин.

— А почему бы и нет? — строптиво спросил Клим.

— Четыре года держать человека в плену? Для этого нужно иметь разум, по крайней мере, не менее мощный, чем у человека!

— А аборигены-лилипутики? Разве они не могут командовать в подземельях?

Алексей с мягкой улыбкой покачал головой:

— Нет, Клим, не могут. Этот абориген и не абориген вовсе. Это самый обыкновенный земной ребенок трехлетнего возраста.

11

Из корабельной фильмотеки были извлечены все анатомические атласы, пособия и определители, которые только там нашлись. Не ограничиваясь микроаппаратурой, с них проектировали на большой экран крупномасштабные изображения, а параллельно для сравнения и голографии скелета, найденного Алексеем. Сомнения отпали очень быстро, инженер не ошибся: его находка была действительно идентична скелету земного ребенка трех-четырёхлетнего возраста.

— По-моему, все ясно — ребенок! Я выключаю? — получив согласие товарищей, Клим выключил аппаратуру. — Нисколько не удивлюсь, если мы найдем на этой планете египетскую пирамиду или глайдер новейшей конструкции.

Он обернулся к инженеру.

— Как ты только догадался?

— Ты лучше спроси, как мы могли быть такими слепыми! — В голосе Лобова прозвучали нотки досады.

Кронин улыбнулся.

— Нечаянно, по рассеянности. Связи с вами не было, аппаратура фиксирует какие-то непонятные взрывы, а приказ — ни шагу из корабля, что бы ни случилось. Разумеется, я беспокоился и, чтобы отвлечься, взялся просматривать голографии. Находка моя, так или иначе придется делать ее описание. А мысли все равно были далеко. Вот так, задумавшись, я боковым зрением нечаянно взглянул на изображение находки и подумал — надо же, умер таким маленьким, то-то родители убивались! Поймал себя на этой мысли, испугался, и меня точно обухом по голове ударило — это же земной ребенок!

— Ребенок, — недоуменно подтвердил Клим и вдруг расхохотался, — могучий интеллект! Вершина сапиенсации!

Инженер кашлянул несколько смущенно и лукаво заметил:

— Кажется, кто-то предполагал, что эти существа участвуют в брачных схватках, как бараны, лоб в лоб?

— Было, — согласился штурман, вздохнул, успокаиваясь, и уже серьезно заметил: — Надо думать, что Майя Верней жива. Ребенок погиб совсем недавно.

— Если только не Жан воспитывал его.
Лобов с улыбкой взглянул на Кронина.
— На чужой планете? Грудного младенца?
— Н-да, чувствуются у нашего инженера серьезные провалы в образованности по части младенцев, — ехидно ввернул Клим.
— Но ребенок и погиб в конце концов, — защищался Алексей.

Черные глаза Клим прищурились.

— А не для того ли, чтобы вызвать помощь тяжело больному ребенку, явился Жан Верней на станцию?

— Не исключено, — вздохнул Кронин, — как чертовски запутана эта история!

— Не забывайте, Жан Верней погиб, — голос Лобова звучал сухо, — погиб и ребенок. Единственно, что мы можем сделать полезного во всей этой запутанной истории, — это попытаться спасти Майю.

— И мы не можем это сделать, — подхватил Клим. — Майя, если она жива, находится где-то под землей, в гномомуравейнике, а в нашем распоряжении есть подземоход.

— Это все равно, что искать иголку в стог сена, — вздохнул инженер.

— А если попробовать биолокатор? — спросил Иван.

— Глубже метра он не возьмет.

— Все равно нужно попробовать.

— Слушайте, — глаза Клим заблестели, — а если установить на глайдер, нет, на униход, глайдер не потянет, экспедиционный биолокатор? Он же раза в три мощнее нашего!

— Клим, ты гений! — Кронин повернулся к Лобову. — С твоей помощью с этой установкой я справлюсь часа за четыре.

— Вопрос будем считать решенным. — Лобов встал, сделал заметное усилие, подавляя зевок. — А теперь спать — утро вечера мудренее.

— Да, уже утро, Иван, — засмеялся Клим, прислоняясь лбом к стеклу иллюминатора.

В холодном голубом пламени неземной зари над черными стрелками елей трепетали и меркли крупные розовые звезды.

12

Клим вел поиск Майи Верней, используя штатный биолокатор, настроенный на частоту «хомо». Каждые четверть часа он коротко докладывал о состоянии дел Лобову, который, как и было решено накануне, занимался вместе с Крониним установкой мощного экспедиционного биолокатора на униход. Поиск был скучнейшим и однообразнейшим занятием: штурман вел глайдер «гребенкой», укладывая один параллельный маршрут подле другого. Биолокатор не подавал признаков жизни, внизу плыла медно-зеленая чаща леса, сверху на опаловом небе ярилось полуденное огненно-зеленое солнце.

Клим не то чтобы задремал, а просто глубоко задумался о вещах, очень далеких и от планеты Перл, и от поиска, которым он занимался, а поэтому не сразу понял, что произошло, откуда и почему столько шума. Потребовались секунды, чтобы сообразить:

биолокатор буквально взвыл, зафиксировав под собой мощнейший всплеск излучения. Завалив глайдер на крыло и разворачивая его на обратный курс, Клим успел сообразить, что сигнал такой силы не мог исходить из-под земли. Или уж в глубине Перл творится что-то из ряда вон выходящее! Выйдя на точку контакта, Клим снизился до предела, почти цепляя брюхом машины рыжие верхушки деревьев. И увидел поляну, а на поляне... Он не поверил глазам, а поляна уже осталась позади. Клим вывернул задрожавшую от перегрузки машину на обратный курс и, подкравшись к поляне, завесил глайдер над нею. Струя воздуха мотала ветви деревьев, волнами морщила траву. Клим смотрел до боли, до рези в глазах и не верил, не мог поверить себе! На поляне в странной и очень изящной колыбели, похожей на огромную раскрывшуюся раковину, лежал, сучил ножками и жалобно плакал ребенок.

13

Когда была выполнена наиболее трудоемкая с физической точки зрения часть доработки экспедиционного биолокатора, Лобов, вытирая только что вымытые руки разовым полотенцем, спросил инженера:

— Надеюсь, минут тридцать ты обойдешься и без меня?

Критически оглядывая только что сваренную ферму для подвески прибора, Кронин ответил:

— Ну а если не тридцать, то минут двадцать на подгонку уйдут. — Он поднял глаза на командира. — А что такое?

— Хочу проверить одну идею, — рассеянным движением Иван бросил разовое полотенце в переносный утилизатор. — Химический анализ твоей находки производился?

— Разумеется, — Кронин присматривался к командиру, стараясь понять, что он такое затеял, — в виде экспресс-анализа.

— Ты его просматривал?

— Конечно. Состав, типичный для костной ткани. Впрочем, в детали я не вникал.

— Я вот тоже не вникал, — не то сожалея, не то осуждая себя, пробормотал Лобов и кивнул на выносной пульт связи: — Не теряя контакта с Климом.

Инженер проводил его взглядом, пожал плечами и принялся за работу. Некоторое время он так и этак раскладывал последние события, стараясь догадаться, что за идея пришла Лобову, но работа требовала внимания, и он постепенно ушел в нее целиком. Он отвлекся лишь для того, чтобы ответить Климу, который в очередной раз скучным голосом доложил, что у него нет ничего нового. Услышав позади себя голос Лобова, он вздрогнул от неожиданности.

— Алексей, — лицо Ивана было озабоченным, — может быть, я что-то путаю? Посмотри ты.

И протянул небольшую карточку, выданную компьютером. Это были данные экспресс-анализа костной ткани некоторых перлских животных, в том числе и находки Кронина, и контрольные данные костной ткани человека. Инженеру понадобилось не больше минуты, чтобы понять причину озабоченности командира: скелет, который, как они решили в конце концов, должен был принадле-

жать земному ребенку, содержал характерную группу соединений. Эта группа с некоторыми вариациями хорошо прослеживалась у всех местных животных, она была четко выражена у его находки и начисто отсутствовала у человека! Несколько секунд Кронин туповато поворачивал с боку на бок этот странный факт, а потом до него разом дошел его сногшибательный смысл. Он чуть не выронил карточку из рук.

— Так все-таки это неземной ребенок!

— Да, — без всякого воодушевления согласился Лобов, — получается так.

Он посмотрел на выносной пульт связи, на большой циферблат, по которому резво бегала секундная стрелка.

— Надо связаться с Климом, — скорее подумал вслух, чем обратился к инженеру, Иван.

И Кронин взглянул на выносной пульт.

— Через семь минут, не раньше, — сказал он с сожалением, — а сейчас бесполезно, системы связи глайдера обесточены: Клим работает с биолокатором. Ты чем-то обеспокоен?

— Да, — Лобов сел в раскладное кресло возле выносного пульта и спросил со скрытой надеждой: — А может быть, это все-таки земной ребенок, Алексей? А эта проклятая химическая группа — следствие особенностей местного питания?

Инженер решительно покачал головой.

— Исключено. Любой организм отчаянно консервативен. Вспомни о тканевой несовместимости. Но чем ты обеспокоен?

— Я боюсь, что этот так называемый ребенок — вовсе не ребенок, а совершенно взрослая особа.

Кронин улыбнулся.

— Что ты, Иван! Пусть это абориген, удивительно похожий на человека, но это, несомненно, ребенок.

— Было время, ты не считал его ребенком.

— Мы были ослами. Налицо ясные, они бьют в глаза, признаки инфантильности. Вспомни хотя бы о росте.

— Дело не в росте и не в морфологии. Инфантильность свойственна всем сапиенсам, в том числе и людям. И прежде всего в сфере психологической.

Инженер усмехнулся.

— Выходит, и я ребенок? Хорошенькое дитя!

Лобов даже не улыбнулся, он смотрел на резко бегущую секундную стрелку часов, голос его звучал грустно и иронично:

— И ты дитя. Тебе чужда жестокость, а она свойственна большинству несапиентированных самцов. Ты любишь розыгрыши и шутки. Ты склонен к бескорыстной дружбе не только с себе подобными, но буквально со всем живым. А ведь это характернейшая черта любого детеныша. Вспомни-ка площадки молодняка наших зоопарков, где рядом резвятся маленькие антилопы, тигры, медвежата, козлики и волчата — непримиримые враги во взрослой ипостаси. А все мы, экипаж «Торнадо», разве мы непохожи на щенков, с упоением любопытством обследующих новую квартиру-планету?

Кронин смотрел на командира со сдержанным любопытством и тревогой: он хорошо знал, что молчаливый Иван бывает таким словоохотливым только в минуты большого напряжения.

— Ну хорошо, — мягко сказал вслух Алексей, — допустим,

что на Перл живут некие разумные, младенцеобразные с нашей точки зрения существа. Где их цивилизация? Их дворцы, заводы, парки, электростанции? Где их электромагнитное и гравитационное информационные поля? Короче говоря, где их ноосфера?

Лобов мельком взглянул на него.

— А разве это обязательные признаки? Может быть, буйство техники, стремление перекорезжить и переломать природу — всего лишь болезнь роста, свойственная детству разума? Кто знает, может быть, зрелые сапиенсы, чья история насчитывает миллиарды лет, находят другие пути к счастью, которые позволяют им жить в гармоничном единении с окружающим миром, как бы растворяясь в нем.

— Почему же эти гармоничные сапиенсы избегают контактов с нами? Причиняют нам зло?

— Что такое зло и добро в масштабах вселенной? Каждый решает эту задачу на свой лад и вкус. — Иван усмехнулся. — И почему ты решил, что они избегают контактов с нами? Может быть, как раз не избегают. Держат нас, так сказать, под колпаком, ставят нам задачи разной степени сложности, наблюдают, как мы пытаемся решить их, и посмеиваются над нашей беспомощностью.

Лобов вздохнул и добавил грустно:

— А может быть, и не смеются, а жалеют нас. Жалеют и боятся. Как мы боимся акул, волков и пантер, хотя неизмеримо превосходим их уровнем интеллекта. Как разрушить этот барьер? Не знаю.

Лобов поднялся на ноги, коротко приказал:

— Готовь униход, Алексей.

Кронин покосился на часы.

— Клим опоздал всего на минуту. Скажу по секрету, он опаздывал с докладами и больше. Что тебя так беспокоит, Иван? Клим в глайдере, вооружен.

— Разве не были вооружены Жан и Майя Верней? — едко спросил Лобов. И после легкой паузы уже мягче добавил: — Я не уверен, что твоя находка — ребенок. Но нам точно известно — это чуждое нам инопланетное существо, поразительно похожее на земного младенца. А уж если что и может заставить космонавта потерять всякую бдительность, так это ребенок, беспомощный ребенок, брошенный на произвол судьбы. Готовь униход, Алексей.

14

Клим на запросы не отвечал. Не работала и телеметрия, которая связывала глайдер, корабль и униход; очевидно, все связанные системы машины, которой управлял Клим, так и остались обесточенными. Это затруднило поиск, хотя и не делало его слишком сложным: был известен маршрут глайдера, точкой, где он выходил на связь, а это позволяло достаточно уверенно рассчитать предполагаемое местонахождение Клима. В эту расчетную точку и вел униход Лобов. Они взлетели какую-нибудь минуту тому назад, Кронин возился на заднем

сиденье с ранцевым биолокатором, который Иван приказал подготовить на всякий случай. Униход летел медленно и тяжело — под брюхом машины была подвешена массивная синеватая сигара подземного бота.

Почувствовав прикосновение к своему плечу, Иван обернулся и увидел встревоженное лицо инженера.

— Я допустил вчера оплошность, Иван. Не осмотрел снаряжение, в котором вы с Климом ходили по следу грибницы.

— Я лично осмотрел скафандры. Все в порядке, — успокаивающе сказал Лобов.

— Я не о скафандрах, а о ранцевом биолокаторе. Точнее, о его счетчике суммарного биоизлучения.

— Счетчик не смотрел. Ну?

— Эти взрывы, что вы наблюдали с Климом, вовсе не безопасны. Суммарная доза страшная, так что счетчик попросту зашкалило. К тому же одна из частот совпадает с частотой альфа-ритма головного мозга человека. Если бы не скафандры, вам пришлось бы плохо.

Лицо Ивана окаменело.

— Клим без скафандра? — без всякой надежды спросил он.

— Конечно. Кто знал?

— А чем грозит эта составляющая с альфа-ритмом?

Кронин замаялся, прежде чем ответить.

— Потеря памяти. Паралич. В самом худшем случае возможна и смерть.

Несколько секунд Лобов молчал, не отрываясь от управления и не оборачиваясь.

— Надевай скафандр, — сказал он наконец, — сумеешь в такой тесноте?

— Сумею.

— Потом возьмешь управление. Да поторопись, — в голосе Ивана прорвалась нотка раздражения, он тут же погасил ее и закончил спокойно: — В таком деле могут решать секунды.

— Могут, — согласился инженер.

Он успел надеть гермошлем, голос его звучал глухо, как из бочки.

Они нашли Клим на небольшой поляне, поросшей тощей рыжей травой. Помог глайдер, характерный серебристый силуэт которого был виден издалека.

И на этой поляне прошлой лунной ночью хороводилась гномовакханалия. В разных местах ее стояли грибы-фонари. Только один из них сохранил подобие своих красочных форм, два других успели разрушиться. На их месте лежали зловонные разлагающиеся кучи органики, а в кучах копошились и хлюпали бледно-розовые улитки, голубые черви и черные жуки, пожиравшие разлагающуюся массу и друг друга.

Клим лежал на спине в спокойной удобной позе, повернув набок голову. Неподалеку от него, на две трети выпучившись из земли, стояло нечто похожее на лопнувший пополам огромный гриб-дождевик, а точнее, на раковину, распахнувшую свои створки. В раковине, высланной внутри тончайшим пухом, как в колыбели, лежал уродливый большеголовый ребенок, похожий на скелет, кое-как обтянутый дряблой и толстой серой кожей, напоминающей слоновою. Он еще подавал слабые при-

знаки жизни, конвульсивно подергивал головой и с хрипом открывал рот.

Лобов, склонившийся над Климом и с безмерным облегчением обнаруживший, что сердце его бьется, поднял голову.
— Жив!

Кронин, стоящий рядом на коленях, бледно улыбнулся в ответ.

— Я подгоню униход вплотную, а ты пока осмотри, — Лобов замаялся, подбирая выражение, но, так и не подобрав его, кивнул головой в сторону раковины-колыбели, — осмотри вот это.

На лице инженера отразилась озабоченность, смешанная с брезгливостью, но он молча кивнул головой в знак согласия и поднялся на ноги. Иван, задержавшийся возле Клима, чтобы подложить ему под голову нейтральный плащ, взятый им с собой на всякий случай, боковым зрением заметил, как Алексей осторожно подходит к хрипло дышащему, издающему квакающие звуки младенцу-монстру. Как-то вдруг он обратил внимание и на то, что возле раковины-колыбели свежей землей чернеет небольшая воронка. Он скосил глаза на Клима, снова перевел их на воронку, выхватил из-под головы Клима нейтральный плащ, одним движением набросил его на товарища и крикнул инженеру:

— Не подходи!

Оклик запоздал на долю секунды. Нога Алексея успела коснуться земли. В то же мгновение из-под нее сверкнуло тусклое пламя, раздался глухой взрыв, Кронина бросило на спину. А через секунду ударил другой взрыв, тоже глухой, но более мощный. Раковина-колыбель вместе с огнем, пылью и жидкой грязью-органикой взлетела в воздух.

15

Лобов взял бессильную тяжелую руку Клима и нащупал пульс. Сердце штурмана билось замедленно, слабо, но ритмично. Клим спал. Он мерно дышал, мышцы его тела были расслаблены, лицо невыразительно, устало и покойно. Он спал вот так уже вторую неделю.

Когда первые попытки разбудить Клима успехом не увенчались, они с Алексеем догадались снять подробную и полную энцефалограмму его головного мозга. Ни Лобов, ни Кронин не были врачами, но, как и другие патрульные, имели элементарное медицинское образование и подготовку. К тому же годы работы в дальнем космосе, где почти невозможно рассчитывать на медицинскую помощь со стороны, многому их научили. Энцефалограмма была угрожающей. Она свидетельствовала о глубоком угнетении всех корковых процессов, о поражении сложнейшей сети нейронов, в которой реализуется таинственный уникальный процесс — процесс мышления. Если нарушение функций нейронов оказалось бы необратимым, то Климу предстояло проспять всю свою оставшуюся жизнь, если такой беспробудный сон можно назвать жизнью. Вот как гриб-гигант расправлялся со своими настоящими или кажущимися

противниками: биологический лучевой удар, беспробудный сон, а в тяжелых случаях паралич и смерть.

Ночь полнолуния и последующие дни оказались решающими в исследовании Перл: загадки и тайны зеленой планеты начали раскрываться одна за другой. Не было на Перл ни инфантильных сапиенсов-антропоидов, ни гномомуравейников. Зато под землей процветали грибы-гиганты, оказавшие на биосферу планеты влияние, которое можно было сравнить разве что с влиянием человека на биосферу Земли.

Фруктовые тела, а еще более споры плодовых тел этих грибов могли принимать самые удивительные формы, в том числе подвижные. Собственно, ничего принципиально нового в этом явлении не было; развивающиеся зародыши земных споровых растений активно передвигаются и похожи на зародыши животных. Чудом было то, что споры грибов-гигантов могли образовывать чрезвычайно сложные многоклеточные псевдоорганизмы типа птиц и млекопитающих, способных к неотении, к длительному самостоятельному существованию на «замерзшей», личиночной стадии. Спорами-псевдоптицами оказались золотоглазые птицы-колокола, один зверек кошачьей породы и множество роящихся животных самой разной степени организации. Совершенно своеобразной брачной споровой формой были крылатые гномики, с помощью которых размножалась и расселялась уже сама грибница. Удалось установить, что брачные игры, которые довелось наблюдать торнадовцам, происходили редко — раз в четыре года, а то и еще реже, вот почему этот удивительный процесс оставался неизвестным людям. Судя по всему, гномики несли в себе огромный запас генетической информации: при их своеобразном «взрыве» рассеивалось непомерно много ДНК — дезоксирибонуклеиновой кислоты, служащей матрицей наследственного кода. Зачем нужен такой странный, автономный механизм защиты половых спор, было не совсем понятно. Очевидно, генетическая информация грибницы в целом представляла для нее какую-то особую ценность, которую, скажем, в конкурентных целях терять было нецелесообразно. Центральная часть грибницы представляла собой эллипсоид, состоящий из сросшихся гифов около трех метров в поперечнике и до метра толщиной. Что удивляло, даже пугало: в самом центре этого эллипсоида тонкими дистанционными исследованиями удалось обнаружить шарообразную структуру размером в большой арбуз. Структура жила напряженной биохимической жизнью, что проявлялось в наличии нескольких гармоник биотоков, одна из которых была очень схожа с альфа-ритмом головного мозга человека. Удалось даже снять своеобразную энцефалограмму этой структуры, разобравшись в путанице которой, разумеется, было совершенно невозможно. Можно ли было считать эту структуру своеобразным мозгом грибницы? Разумен ли гриб-гигант, пусть в аспекте совершенно ином, нежели разум человека и человечества в целом? На эти вопросы пока не было ответа. Но если гриб-гигант не разумен по-своему, то как ему удалось смоделировать самый сложный организм, порожденный природой, — человека? Настораживала маниакальная настойчивость гриба в этом направлении. Установили, что он поставил около десятка

экспериментов, осуществляя акт рождения человека в разные сроки: видимо, ему нужен был взрослый, мыслящий «хомо», но откуда грибу было знать, что у этого «хомо» такое длинное детство, растянутое на добрых два десятка лет, и что свой разум человек приобретает не биологическим, а социальным путем — в процессе воспитания.

Очевидно, гриб в какой-то мере понимал причину неудачи своих экспериментов. Он всячески старался состарить подопытные экземпляры псевдодетей. Ребенок, как две капли воды похожий на грудного младенца, — Клим его сфотографировал, и эти фотографии были приобщены к научному фонду, — за несколько часов прошел странный жизненный путь, деградировал и превратился в чудовище, которое видели Иван и Алексей. Для свершения чуда деторождения гриб-гигант должен был как-то усваивать и использовать информацию, заключенную в дезоксирибонуклеиновой кислоте, в ядрах клеток тех живых существ, с которыми гриб контактировался. Эволюционный шаг, сделанный перлским грибом, был настоящей революцией в экологии.

В самом деле, животные Земли да и других планет Галактики потребляют органические соединения как простое топливо. Между тем «сжигать» ДНК, заключающую баснословное количество информации, это все равно, что топить печи сливочным маслом или использовать компьютер как верстак. Поднявшись на новую ступень, научившись извлекать из ДНК спрятанную в ней информацию, гриб-гигант в миллионы, если не миллиарды, раз сократил свой эволюционный путь.

Это верно, что разум рождается в муках, в ходе труда, творчества, активной борьбы с природой. Постулат — все, что не имеет свободы передвижения, не имеет «рук», естественных орудий труда, не может быть разумным — кажется очевидным и абсолютным. Но гриб-гигант избежал атаки в лоб на твердый абсолют разума. Ему незачем с мучительной медлительностью шагать по ступенькам сапиенсации, платя за каждый такой шаг жизнями тысяч и тысяч отдельных особей. Ему достаточно встретить разумное существо, парализовать его биовзрывом и извлечь из клеточных ядер информацию, которая копилась в них миллиарды лет. И если до контактов с людьми гриб-гигант еще и не был разумен, то следовало крепко задуматься над тем, во что превратилось это существо после того, как такие контакты состоялись.

Да, людям удалось в конце концов проникнуть в тайны зеленой планеты, но какой ценой?!

На стене осветился большой экран видеофонной связи. На нем обрисовалось лицо Кронина, дежурившего на пункте связи научной станции, — зеленое солнце разбушевало, корабельная лонглиния работала с перебоями, поэтому приходилось пользоваться более мощной.

— Что с Климом? — спросил инженер.

— Все по-старому.

— Тебя вызывает база, Иван. Будет говорить главный нейролог.

— Понял, — Иван помолчал, хмуря брови. — Переключи прием на корабль. Я не хочу уходить далеко.

Когда выяснилось, что Клим находится в катастрофическом положении, Иван и Алексей все данные его обследования передали на базу и попросили помощи. На базе был организован заочный консилиум, к которому привлекли лучших земных нейрологов. Связаться со специалистами, разбросанными по разным точкам Земли, солнечной системы и космоса, было не так просто, поэтому консилиум затянулся на несколько нестерпимо долгих дней. И вот наконец Лобов сидел за пультом лонгсвязи и смотрел на удлинненное аскетичное лицо главного нейролога базы.

— Хочу предупредить сразу, — утомленные глаза нейролога смотрели как-то сквозь, мимо Лобова, — мы не имели с большим прямым контакта, а поэтому не можем сделать уверенно заключение и тем более дать гарантии.

— Я понимаю.

— По мнению большинства врачей, привлеченных на консилиум, лучше оставить все как есть. Подождать прилета на Перл комплексной экспедиции. Там есть и специалисты, и аппаратура, гораздо более совершенная, чем на патрульном корабле. Углубленное обследование больного даст ответ на многие неясные, спорные вопросы.

— Ждать придется около месяца, — вслух подумал Иван, — это ничем не грозит Климу Ждану?

Нейролог не замаялся, он просто помолчал, прежде чем заговорить.

— Нет, не грозит, — и после крошечной паузы уточнил: — Ничем серьезным.

— Конкретнее, — попросил Иван.

Их глаза впервые встретились. У нейролога были усталые, умные, даже добрые, глаза. Но во взгляде, где-то в самой его первооснове, угадывалось равнодушие, некая бесстрастность. Это был взгляд человека со стороны, человека, неким образом стоящего над страданиями и несчастьями людей. Впервые Лобов поймал такой взгляд еще давно у хирурга, который наблюдал за собакой, после сложнейшей экспериментальной операции просыпавшейся от наркотического сна. Лобов намертво запомнил этот взгляд. И потом иногда угадывал, улавливал его следы в глазах иных искуснейших врачей. Этот взгляд пугал и тревожил его. Да, чужие страдания, как бы то ни было, если не ожесточают, то сушат душу. Врач невольно начинает видеть в человеке не индивидуальность, не неповторимое, тончайшее порождение природы и сообщества людей, а объект исследований, наблюдений и лечения. С этим надо что-то делать. Надо, но что?

— Конкретнее, — повторил Иван.

Наверное, нейролог был чутким человеком и услышал нотку неприязни в голосе Лобова, потому что в глазах его мелькнуло если не удивление, то любопытство.

— Конкретнее, — повторил нейролог, переплетая длинные пальцы сухих ладоней, — если человек долго не двигается, происходит атрофия мышц. Если человек долго не думает, про-

исходит постепенная атрофия нейронов. Чем быстрее применен лечебный комплекс, тем он эффективнее. Старая истина.

— Итак, по мнению большинства, нужно ждать. А по мнению меньшинства?

— По их мнению, надо применить один из сильнодействующих стимуляторов. Риазон, дельта-гейл, рох-три — что-нибудь из перечисленного обязательно должно быть на корабле.

— Рох-три есть, я знаю, — перебил Лобов.

— Этого достаточно. Стимулятор подействует как сильнейший раздражитель. Ведь до сих пор иногда «запускают» остановившееся сердце мощным электрическим разрядом. Точно так же рох-три ударит по нейронам. Если они только спят, они должны проснуться.

— А если не проснутся?

Нейролог пожал плечами.

— Тогда надежда на излечение больного станет еще меньше.

Их взгляды снова встретились.

— Вы-то, — вдруг спросил Лобов, — вы сами принадлежите к большинству или к меньшинству?

— К меньшинству, — сухо ответил нейролог и, помолчав, спросил: — Сколько вам нужно времени на размышление?

— Нисколько. Я введу больному рох-три тотчас, как только закончим разговор.

В глазах нейролога мелькнуло удивление, сменившееся любопытством и, пожалуй, уважением.

— Имеете ли вы право брать на себя такую ответственность? — мягко спросил он.

— Имею, — спокойно ответил Лобов.

— Тогда желаю всяческих успехов.

В глазах главного нейролога мелькнула легкая ироническая усмешка, впрочем, может быть, это был случайный эффект, сопровождающий угасание изображения.

Лобов еще минуту-другую сидел за пультом лонглинии. Его размышления прервал Кронин, появившийся на экране видеодинамофона.

— Ты в самом деле решил ввести рох-три?

Лобов вздохнул.

— Решил. А что, неправильно?

— Не знаю. Но Клим был бы «за».

— И я подумал об этом.

— Я сейчас приду, Иван, только закончу сеанс с экспедицией.

Лобов грустно улыбнулся.

— Ты думаешь, это поможет?

— Не думаю. Но все-таки приду.

Клим спал, все так же мерно, поверхностно дыша. Лобов откинул легкое, невесомое одеяло, взял со столика инъектор с раствором рох-три и заколебался. Ему много раз приходилось рисковать в своей богатой приключениями патрульной жизни. А сейчас?

И почему-то, уже на все решившись и держа инъектор в руке, Иван медлил и думал. Думал не только о Климе, но и о Жане Вернее, и его жене.

Вряд ли кто-нибудь когда-нибудь узнает, что произошло с экспедицией «Кентавр».

Но Ивану представилось такое: гриб-гигант все время экспериментировал, и однажды в порядке очередного эксперимента он разбудил Жана, погруженного в беспамятство. А потом было поздно, гриб не сумел, а может быть, и не захотел его удерживать. И Жан Верней, руководитель экспедиции «Кентавр», нашел силы выполнить свой долг перед всеми людьми и своей женой.

Глядя на спящего Клима, Иван представлял, как Жан пришел в себя где-то в полутьме подземелья и при фосфорическом свете грибов-люминофоров обнаружил рядом с собой живую, но бесчувственную жену. Как он с ужасом старался понять, что же такое случилось? И как понемногу начал гаснуть вспыхнувший было у него огонек памяти и разума. Но Жан Верней не пожелал сдаться. Он знал, что должен, обязан сообщить о себе людям. Откуда он взял силы в своем обессиленном теле? Как он добрался до станции? Чувство долга привело его к цели через непроглядную темень беспамятства. Он сделал, что должно. Он хотел сделать больше, но исчерпал свои силы. И тихо умер, уронив голову на пульт управления подземной машины.

Иван провел рукой по лицу, прогоняя непрошенные чувства, оголил руку штурмана и нажатием кнопки ввел рох-три. Теперь оставалось только ждать. Лобов накинул на Клима одеяло и встал. Недолго ждать. Минут пять-десять. Алексей еще не успеет возвратиться с маяка, а все будет решено. Все. Кем будет Клим. И кем уже никогда не будет.

Иван прошелся взад-вперед по госпитальному отсеку, подошел к Климу, послушал, как он ровно, спокойно дышит. Взял в руки книгу, но, даже и не раскрыв, снова положил на столик. Подошел к иллюминатору. Сегодня была редкая для Перл погода. Почти цепляясь за вершину корабля, тянулись лохматые коричневые, с оранжевыми разводами облака. Моросил дождь. Кольхалось шоколадное море. Понуро стояли остроголовые грязно-рыжие ели. Непогодь.

— Иван!

Услышав этот слабый голос, Иван обернулся так, что локтем ударился о стену. Клим сидел на постели, глядя на него с легкой растерянной улыбкой. Он попытался было подняться на ноги, но Иван, очнувшись от столбняка, в мгновение ока оказался рядом с ним.

— Лежи! — постарался как можно более сердито сказать он, укладывая штурмана на подушку.

Слабая улыбка Клима приобрела лукавый оттенок.

— Так я болен? Сколько же я проспал, Иван?

— Долго.

— Как долго?

— Долго, две недели, — сказал Лобов, понимая, что от Клима все равно не отвяжешься.

— Две недели, — не столько удивился, сколько констатировал штурман и вдруг забеспокоился: — А где Алексей?

— Жив-здоров, — улыбнулся Лобов, — скоро явится сюда.

Клим кивнул головой, легкая морщина прорезала его лоб.

— А ребенок? Я нашел ребенка в такой странной колыбели. Он жив? Или мне приснилось все это?

Иван покачал головой.

— Нет, Клим, не приснилось. Но ребенок умер.

— Жалко. А Майю нашли?

— Нет. Не нашли.

Лобов солгал. Используя тяжести грифов как путеводные нити, они с Алексеем нашли и Майю. Как и Жан Верней, она умерла от истощения. Несомненно, гриб-гигант как-то питал их, иначе они бы никогда не прожили долгих четыре года, но чего-то, видимо витаминов, не хватало в этой пище. Майя была мертва, но зачем Климу было сейчас узнавать об этом?

— Клим, — вслух сказал он, — ну почему ты ничего не сообщил нам? Почему один полез на рожон?

Штурман покровительственно улыбнулся.

— Ты чудак, Иван. — Он посерьезнел, в глазах его отразилась грусть, а может быть, и тревога. — Там же был ребенок. Маленький ребенок на чужой планете! И он плакал, так жалобно плакал.

Клим беспокойно шевельнул головой, и Лобов осторожно положил руку на его холодный лоб.

ЛЮДИ — НЕ БОГИ

Фантастический рассказ

1

Лунца разбудило гудение зуммера. Открыв глаза, он покосился на экран видеофона и нахмурился. Его вызвала ходовая рубка. Опять, наверное, какой-нибудь пустяк. Надо будет собрать начальников вахт и серьезно поговорить. Пора им учиться самостоятельности. Не вечно же они будут иметь за спиной командира! А Дмитрий Сергеевич Лунц был именно командиром пассажирского лайнера, совершающего регулярные рейсы по маршруту Земля — Марс — Титан и обратно.

— Слушаю, — коротко бросил Лунц.

Экран вызова осветился, и на нем появилось обеспокоенное лицо вахтенного начальника.

— Неполадки в аккумуляторной, — негромко доложил тот, — по-моему, дело серьезное.

— Сейчас буду.

Экран вызова погас, а Лунц поднялся с дивана и принялся размеренно, на первый взгляд неторопливо приводить себя в порядок. Застегивая «молнию» легкого костюма-скафандра, он

на секунду задержал взгляд на своей встревоженной физиономии, отражавшейся в зеркале, усмехнулся и тут же вздохнул. Не до смеха! Аккумуляторная — самый каверзный отсек лайнера. Там хранятся запасы гипервещества, служащего топливом для ходового двигателя. Запасы энергии в гипервеществе колоссальны, именно это обстоятельство позволяет лайнеру, презрев поля тяготения, почти напрямую пересекать пространство. Однако, если гипервещество вдруг начнет распадаться, превращаясь в обычные частицы, главным образом в нуклоны, то выделится энергия, достаточная, чтобы вскипятить Аральское море. Это будет не просто катастрофа, а космическое бедствие. Хуже всего, что прецеденты такого рода уже случались, стоит вспомнить судьбу танкера «Сибирь». Конечно, гипервещество изучено вдоль и поперек и взято под контроль, надежность которого не вызывает сомнений, однако ж недаром его запрещают хранить на Земле. Все вещества, заряженные энергией, капризны. Даже обыкновеннейший невинный тротил иногда взрывается без видимых причин, превращая в руины гигантские химические заводы, а по сравнению с этой овечкой гипервещество — люгый тигр.

В ходовой рубке Лунца встретил вахтенный начальник.

— Я вызвал и главного инженера, — словно извиняясь, доложил он.

Лунц одобрительно кивнул и прошел к контрольному щиту аккумуляторной, за которым колдовал оператор. Он не сразу понял тревогу вахтенного и даже мысленно выругал его за ненужную панику — уровень радиации в аккумуляторной несколько превышал норму, но до опасного предела было еще далеко. И вдруг слегка змеившаяся линия развертки, отмечавшая уровень радиации, вздыбилась крутым горбом и полезла вверх. Замигали сигнальные лампы, забегали стрелки приборов — это сработала автоматика, приводя в действие систему гашения радиации.

— Я подключил на гашение все резервы, — сказал за спиной Лунца вахтенный начальник. — Все, какие только возможно.

Командир рассеянно кивнул — это разумелось само собой.

— Объявите тревогу, — не оборачиваясь, сказал он. — Экипажу и пассажирам занять стартовые места.

— Выполняю.

Главный инженер вошел в ходовую рубку вместе с гудками сирен.

— Что случилось? — удивленно спросил он, тараща свои маленькие заспанные глазки.

— Займись аккумуляторной, — бросил ему через плечо Лунц, зная, что старый Вилли поймет его с полуслова.

— Ясно.

Прошло несколько томительных секунд, кривая развертки нехотя опала и, извиваясь, точно раненая змея, с трудом успокоилась. Оператор вздохнул и покосился на командира.

— Флуктуации, — устало пояснил он. — Это уже третий пик.

Лунц хорошо понимал его состояние — ведь на «Сибири» все началось именно с флуктуаций. Стоило сейчас не справиться системе гашения, как... Впрочем, никто не знает, что произошло

бы. Может быть, все ограничилось радиационной тревогой и включением резервных систем гашения, а может быть, паразитная реакция стала бы развиваться и дальше. Думать об этом не хотелось, а самое главное — это было совершенно бесполезно.

— Тревога объявлена, экипаж и пассажиры на местах, — доложил вахтенный.

— Приготовьте пассажирский отсек к катапультированию, — проговорил Лунц, по-прежнему не отрывая глаз от осциллографа. Он скорее почувствовал, чем увидел, что вахтенный начальник замаялся и повернул голову. «Может быть, не торопиться? Может быть, подождать?» — говорил просительный взгляд молодого человека. Отвернувшись к приборам, Лунц спросил сухо и негромко:

— Вы меня поняли?

— Понял, выполняю, — после самой легкой паузы ответил вахтенный.

Командир постоял еще немного у шита, шевеля пальцами рук, сцепленных за спиной, потом сказал:

— Информацию аккумуляторной — мне на пульт.

Он неторопливо прошел по рубке, занял командирское место, надел рабочий шлем.

— Вахту принимаю.

— Вахту сдаю, — ответил вахтенный начальник. — Пассажирский отсек к катапультированию готов.

Лунц пробежал глазами по приборам и вызвал главного инженера:

— Вилли, как индекс безопасности?

— Неопределенный. Флуктуации хаотичны, закономерности почти не прослеживаются. И... — главный на секунду замаялся, — и к тому же полная аналогия с процессами на «Сибири», до деталей.

Лунц очень ясно понял, что дальше тянуть неразумно, но он ждал, зная изворотливый характер своего главного: может, он отыщет какую-нибудь зацепку и предложит все-таки выход? Но старый Вилли молчал.

— Информацию об аккумуляторной — в термоконтейнере за борт! — хмуро приказал Лунц.

— Я уже отправил, — вздохнул главный инженер.

Может быть, этот контейнер поможет ученым в конце концов разобраться в фокусах гипервещества. Лунц секунду помолчал и особенно четко проговорил:

— Экипажу перейти в пассажирский отсек. Исполнение немедленно!

На контрольном пульте командира по одной и целыми сериями начали гаснуть лампы, сигнализируя о том, что члены экипажа оставляют свои рабочие места. Вот погасла лампа главного инженера, и Лунц чуть обернулся, зная, что сейчас услышит его голос.

— Дмитрий Сергеевич, — как по заказу, послышался за спиной просительный басок, — может, оставишь меня? Веселее будет.

Лунц скосил глаза и увидел толстые щеки, вспотевший лоб и виноватые глаза своего старого товарища.

— Не задерживай, Вилли, — невыразительно сказал Лунц. —
Время дорого. До встречи.

— До встречи, — сердито проворчал главный инженер.

«Обиделся», — мимоходом подумал Лунц, отворачиваясь
к приборам.

— Экипаж в пассажирском отсеке, — через десяток секунд
доложил вахтенный начальник.

— Следуйте в отсек и вы. Благодарю за службу, — коротко
ответил Лунц.

Лампочка вахтенного продолжала гореть.

— Разрешите остаться с вами, — прозвучал голос.

— Не разрешаю, — отрезал Лунц.

Последняя контрольная лампа наконец погасла. Лунц пере-
дохнул и спросил:

— Пассажирский отсек, доложите о готовности!

— Пассажиры и экипаж на местах. Отсутствует командир.
Отсек загерметизирован, жизненные запасы в полном комплек-
те, маяки включены, к катапультированию готов, — на одном
дыхании проговорил уставную формулировку дежурный по от-
секу.

— Катапультируйтесь, — разрешил Лунц.

— Есть катапультироваться!

В ту же секунду Лунц скорее почувствовал, чем услышал,
легкий треск — это были отстрелены узлы крепления пасса-
жирского отсека к ходовой части корабля. Теперь отсек свобод-
но лежал на направляющих, как на салазках. Послышалось
мягкое нарастающее гудение, и легкая перегрузка придавила
Лунца к спинке сиденья: под действием вихревого поля отсек
скользнул по направляющим и уплыл в просторы космоса. Лунц
развернул корму лайнера. Зазвенел двигатель, и ходовая часть
с командиром на борту понеслась прочь от пассажирского
отсека.

— Катапультирование прошло нормально, — доложил дежур-
ный по отсеку. — Связь с базой установлена, координаты сооб-
щены.

Конец фразы потонул в тресках помех — ионное облако, вы-
рвавшееся из двигателя, заэкранировало лайнер. Но связь была
уже не нужна. Лунц вялым движением вытер платком лицо и
сказал вслух, будто удивляясь:

— Дело сделано, можно начинать бояться.

И в этот момент началась очередная, четвертая, флуктуация.
Зеленая змея развертки сначала вспухла по всей ширине экра-
на, а потом вздыбилась передним фронтом, выбросив вверх
острый пик, который уперся в край экрана, на стенах рубки
вспыхнули пронзительно красные надписи «Радиационная тре-
вога!». У Лунца захолонуло сердце, а развертка не опадала,
она все пучилась и пучилась вверх, и все большая ее часть
выходила за обрешетку экрана. «А отсек я все-таки успел катапуль-
тировать!» — с неожиданным приливом гордости подумал
Лунц, между тем как каждая мышца, каждая клеточка его тела
напряглись до боли в ожидании ослепительной вспышки не-
бытия.

— Не хотел бы я быть на вашем месте, — сочувственно про-
изнес за его спиной негромкий голос,

«Да, я не пожелал бы такого даже злейшему врагу», — мысленно согласился Лунц. И вдруг осознал, что отвечает не внутреннему голосу, не отзвуку своего собственного «я», а кому-то другому! Изумленный Лунц рывком обернулся и увидел незнакомого человека. Незнакомец в свободной позе сидел на подлокотнике соседнего кресла, легкомысленно качал ногой и улыбался, глядя на Лунца умными и веселыми глазами.

— Как вы сюда попали? — с трудом проговорил Лунц.

Улыбка незнакомца приобрела оттенок шутливой таинственности.

— Разве это существенно, Дмитрий Сергеевич?

— От нас сейчас останется одна пыль. — негромко сказал Лунц, с сожалением глядя на незнакомца.

— Ну, — легкомысленно ответил тот, — если взорвется вакуумляторная, то от нас и пыли не останется.

Он помолчал и успокоительно добавил:

— Но она не взорвется.

Лунц нахмурился, вникая в смысл услышанного, а потом всем телом повернулся к приборам. Никакого пика радиоактивности не было! В противовес естественному ходу вещей флуктуация гипервещества закончилась вполне благополучно. Более того, уровень радиоактивности упал до такой величины, что угроза взрыва вообще миновала. Это было похоже на чудо, но Лунцу сейчас было не до изумления и не до восторгов перед необъяснимым, почти чудесным спасением. Все случившееся как бы дало обратный ход, и вот только теперь, заново восприняв происшедшее, Лунц по-настоящему пережил нервное потрясение. В его психике сработало какое-то аварийное реле, мощный поток энергии, поддерживавший его, прекратился, все мышцы тела ослабели, превратившись в жалкие тряпки, пропали куда-то все чувства и мысли. Лунц уронил голову на руки и на несколько мгновений окунулся в темноту. Потом с некоторым удивлением ощутил себя вполне живым, достал из кармана платок и, вытирая мокрое лицо, перехватил сочувственный взгляд незнакомца. Некоторое время Лунц молча смотрел на него, стараясь осмыслить самый факт его пребывания на борту аварийного корабля. Покосившись на приборы, а там было все более чем в порядке, Лунц наконец решил: «Пассажир, один из тех невыносимо любопытных людей, которые, ни на йоту не отдавая себе отчета в опасности, повсюду суют свой нос».

— Кто вы такой? — с ноткой строгости в голосе вслух спросил он.

Незнакомец привстал с подлокотника, склонил в легком поклоне голову и непринужденно представился:

— Меня зовут Север, — он снова слегка поклонился. — Даль Север к вашим услугам.

— Как вы оказались в ходовой рубке? — Лунц с любопытством присматривался к своему собеседнику. — Во всяком случае, родились вы под счастливой звездой.

Даль мягко улыбнулся и снова уселся на подлокотник кресла, закинув ногу на ногу. Движения его были легки и свободны, от них веяло полным спокойствием и уверенностью в себе. Все это никак не вязалось с только что пережитой прелюдией

катастрофы и смущало Лунца. Неожиданная догадка вдруг мелькнула в его голове.

— Очевидно, вы из службы контроля? А история с аккумуляторной всего лишь проверка?

Даль заботливо стряхнул с колена приставшую к нему пылинку и улынулся.

— Разве я похож на инспектора?

Лунц хотел спросить: «А разве инспекторы имеют особые приметы?» — но осекся. Даль совсем не походил на инспектора, не походил он и на пассажира. Он вообще ни на кого не походил! Лунц не заметил этого сразу только потому, что его мысли и чувства были слишком далеки от таких пустяков, как внешность случайного посетителя ходовой рубки.

В самом деле, любой человек, находящийся в космосе, будь то пассажир, инспектор или сам командир корабля, в обязательном порядке надевал легкий скафандр, напоминавший обычный комбинезон. Несмотря на кажущуюся эфемерность, этот скафандр обеспечивал получасовое пребывание в открытом космосе и надежно гарантировал от всяких случайностей. На Дале же и в помине не было никакого скафандра! Он был одет как для непродолжительной летней прогулки. С его широких плеч свободными складками спадала мягкая белая рубашка, открывавшая крепкую шею, темно-серые брюки были окантованы незатейливым, но ярким орнаментом, на ногах были легкие туфли с небольшим каблучком. Непостижимо, как Лунц сразу не заметил всего этого: без обязательного скафандра Даль выглядел каким-то голым и неприличным с космической точки зрения!

Разглядывая этого странного человека, Лунц ломал себе голову, стараясь догадаться, как он ухитрился проникнуть на лайнер и куда смотрели контролеры космопорта, инспекция, дежурный по пассажирскому отсеку, да и он сам, командир корабля. Лунц почти не сомневался, что перед ним новоявленный космический заяц — искатель приключений; ему иногда приходилось встречаться с этим забавным, проницательным, но не лишенным своеобразного обаяния типом людей. По логике вещей следовало бы рассердиться и как следует отчитать этого Дая, но ругаться совсем не хотелось, может быть, потому, что уж очень добрую весть принес этот человек, а может быть, и потому, что во всем его облике, несмотря на очевидное легкомыслие, было что-то симпатичное и привлекательное. Оборвав свои размышления, Лунц спросил:

— Как вы попали на корабль?

Даль с легкой улыбкой осуждающе покачал головой.

— Такова человеческая благодарность! Рискуя своей карьерой, я прихожу к вам в трудную минуту на помощь, а вы начинаете допрашивать меня как преступника.

— На помощь? — улыбнулся и Лунц. — Что вы имеете в виду?

— А вы полагаете, что гипертельцево само по себе из гуманных соображений отказалось от взрыва? — невинно спросил Даль.

Неволью насторожившись, Лунц обернулся к приборам. Уровень радиации окончательно пришел в норму, опасность пока миновала. Он протянул руку к пульту управления, чтобы

получить дополнительную информацию об аккумуляторной, но Даль остановил его неожиданно повелительным тоном:

— Ничего не трогайте!

Лунц скорее недоуменно, чем удивленно, покосился на него.

Лицо Даля было строго, на нем сейчас не было никаких следов веселого легкомыслия.

— В системе автоматики гашения радиации у вас образовались ложные обратные связи, — пояснил Даль. — Начнете с ней работать, и весь этот кавардак с флуктуациями может повториться.

— Вы-то откуда знаете, что там образовалось и что не образовалось? — сердито спросил Лунц.

На строгом лице Даля появилась обычная, несколько легкомысленная улыбка.

— Мне пришлось побывать там, — пояснил он, словно извиняясь.

— Там? В горячей зоне?

— Что поделаешь? У меня не было другого выхода.

— И вы думаете, что я поверю этой чепухе? — рассердился Лунц. — Там десятки тысяч рентген, немедленная смерть всему живому. И никакой скафандр тут не поможет! Вот что такое горячая зона.

— Пустяки, — ответил Даль. — Я побывал там и, как видите, жив и невредим.

Он закинул ногу на ногу и задумчиво добавил:

— Я полагаю, что лет через тридцать-сорок, когда на Земле будет налажено производство нейтринов и вы сможете ходить в горячую зону так же просто, как в кают-компанию.

Лунц внимательно разглядывал Даля, лоб его пересекла глубокая вертикальная складка.

— Кто вы такой? — после паузы негромко спросил он. — Я командир корабля и задаю этот вопрос не из пустого любопытства.

— Допрос продолжается, — засмеялся Даль, покачивая ногой, и добродушно добавил: — Не надо сердиться, Дмитрий Сергеевич. Если уж вы так настаиваете, я буду предельно откровенен. Трансгалактический патруль к вашим услугам.

— Что-то я не слышал о такой службе, — без улыбки сказал Лунц, продолжая разглядывать своего странного собеседника.

— Не слышали, так и не беда. Будничная и совсем не романтичная работа, — Даль пожал плечами. — К вам же я попал чисто случайно. Какой-нибудь десяток минут тому назад я пролетал в полутора световых годах от солнечной системы. Волею судьбы в поле зрения моего информатора попал ваш лайнер. Любопытства ради я включил ситуационный дешифратор и понял, что корабль находится на грани катастрофы. Некоторое время я наблюдал за вашими действиями и никак не мог решить, продолжать ли мне патрульный полет, предоставив все естественному ходу вещей, или все-таки прийти к вам на помощь. Мне совестно было бросать вас на произвол судьбы.

Лунц не столько вдумывался в слова Даля, сколько приглядывался к нему, стараясь определить, что он собою пред-

ставляет. Проще всего, конечно, было наклеить на него ярлык безумца. Не выдержал человек нервного потрясения и сошел с ума. Но уж очень был непохож этот Север Даль на сумасшедшего. Вел он себя очень просто и естественно и в ходовой рубке чувствовал себя как дома, чего нельзя было сказать о многих других заведомо нормальных людях, которые впервые сюда попадали. И может быть, самое главное, что не ввязалось с гипотезой сумасшествия, — легкий, но заметный оттенок юмора, с которым Даль относился к происходящему. Но как примирить со всем этим грубейшие логические неувязки в суждениях?

— Прошу прощения, — вслух сказал Лунц, дойдя до этого пункта своих размышлений, — вы сказали, что десять минут тому назад были в полтора световых годах отсюда.

Даль прервал свой рассказ и в знак согласия склонил голову.

— Но это невозможно! — убеждающе сказал Лунц. — Преодолеть за десять минут полтора световых года? Чудес на свете не бывает!

— Я вас понимаю, — спокойно согласился Даль, рассеянно взглядывая на наручный прибор, похожий на часы, — вам это и должно казаться невозможным, потому что человеческая культура не подошла даже к преддверью нуль-телепортровки. Сущность ее вам так же непонятна, как, скажем, античному греку, человеку в своем роде очень культурному и образованному, была бы непонятна сущность работы термоядерного реактора или логической машины.

Не замечая или не желая замечать удивления Лунца, Даль в том же спокойном, несколько рассеянном тоне продолжал:

— В принципе идея телепортровки удивительно проста. Основная трудность состоит в том, что приходится транспортировать не точку, а протяженное тело. Каждому атому этого тела надо дать строго рассчитанные синхронные приращения координат. При малейшей ошибке появятся структурные нарушения: либо разрывы тканей, либо взаимные наложения. Это, конечно же, недопустимо, особенно когда транспортируются живые объекты. Положим, туловище человека материализуется здесь, а голова — в противоположном углу рубки. Как вам это понравится?

Лунц невольно улыбнулся. Чем дольше он слушал своего веселого собеседника, тем все более реальной представлялась ему транспортировка. Это был какой-то гипноз, в значительной мере обусловленный обстоятельством рассказа Даля и его непробиваемой уверенностью в себе, и Лунцу приходилось делать известное усилие над собой, чтобы вырваться из оков этого гипноза. Видимо, дело было в том, что о самых невероятных вещах Даль говорил шутливо, как бы мимоходом, и обыденность его поведения невольно завораживала. Если бы Даль попробовал разъяснить свои высказывания, Лунц не колеблясь принял бы его за сумасшедшего, а так Даль представлялся ему чудачком, оригиналом, который решил развлечь его, помочь ему незаметно скоротать время, которое на аварийных кораблях тянется особенно медленно. Это походило на увлекательную шутливую игру, и Лунц охотно в нее включился.

— Все это, — продолжал между тем Даль, — существенно ограничивает возможности телепортровки. Мешают помехи, вносящие искажения в транспортируемые тела. Для человека, например, максимальная дальность телепортровки в зависимости от гравитационной обстановки колеблется в пределах от двух до трех световых лет. Так что, уважаемый Дмитрий Сергеевич, я обнаружил вас на расстоянии, достаточно близком к критическому. И поскольку мне совестно было бросать вас на произвол судьбы, я связался с центральным постом управления, изложив ему простую и оригинальную идею, касающуюся вашей будущности. И вместе с нагоняем за неуместную гуманность получил разрешение на встречу с вами.

— Неуместная гуманность? — засмеялся Лунц. — Это нечто новое!

— Дмитрий Сергеевич, — вздохнул Даль, — не забывайте, во вселенной бесчисленное множество разумных сообществ.

— Не понимаю этого сопоставления.

— В такой ситуации вселенская ценность отдельной личности стремится к нулю, — невозмутимо пояснил Даль.

— Вот как! — насторожился Лунц.

— К сожалению. Окружающий нас мир довольно жесток и не всегда укладывается в ложе гуманности, которое человечество сколотило на свой лад и вкус, — он тихонько рассмеялся, разглядывая настороженное лицо Лунца. — Представьте себе, что где-то там, за десятки световых лет отсюда, между некими существами, почитающими себя разумными, идет жестокая война. Представьте себе далее, что ваш покорный слуга Север Даль, — собеседник Лунца в легком поклоне склонил голову, — в силах прекратить эту отвратительную бойню, каждая секунда которой уносит сотни жизней. И вот, вместо того чтобы поторопиться, он задерживается. Задерживается из-за одной-единственной, хотя и весьма самобытной, личности. Разве нельзя назвать такой поступок неуместной гуманностью?

Лунц озадаченно смотрел на своего гостя.

— Вы так серьезно говорите обо всем этом, — в раздумье сказал он.

Их глаза на мгновение встретились, и Лунц почувствовал, как холодок пробежал у него по спине: так глубок был взгляд внимательных, понимающих и чуточку печальных глаз его собеседника. Но уже через мгновение эти глаза прищурились в улыбке.

— Я шучу, Дмитрий Сергеевич, шучу, — в легком тоне проговорил Даль, — и вообще самое лучшее, если вы не будете относиться серьезно ни к моему появлению, ни к моим словам.

Лунц засмеялся и покачал головой.

— И все-таки вы говорите такие вещи, что я иной раз сомневаюсь — человек вы или нечто другое?

Засмеялся и Даль.

— Все зависит от точки зрения.

— То есть?

— С точки зрения анатомии и физиологии я самый настоящий человек. Надеюсь, это не вызывает у вас сомнений? А вот в эволюционном аспекте между нами нет ничего общего. Я ро-

дился примерно в одиннадцать миллионов световых лет отсюда.

— В другой галактике? — весело спросил Лунц.

— Совершенно верно!

— А наше сходство?

— Лучше сказать — идентичность. Чисто случайное явление на фоне общих закономерностей. Собственно, это обстоятельство и учел центр, когда разрешил мне часовую отсрочку. Антропиды в нашей метagalактике так редки! Наша встреча, да еще в такой ситуации, показалась центру чудом. Дежурный совет растаял от умиления и на целый час предоставил мне полную свободу действий.

— Что это еще за центр? — полюбопытствовал Лунц.

— А разве я не говорил вам об этом? Межгалактический центр вечного разума.

— Вот даже как, вечного!

— А вы полагали, — в голосе Даля послышались иронические нотки, — что разум создан персонально для человеческого общества?

Лунц пожал плечами.

— Я не страдаю антропоцентризмом. Однако убежден, что разум как особое свойство материи является порождением именно нашей, звездно-галактической, эпохи.

Даль осуждающе покачал головой.

— И вы утверждаете, что не страдаете антропоцентризмом! — он лукаво прищурился. — Кстати, Дмитрий Сергеевич, вы не пытались зримо, осязаемо представить себе, что такое вечность? Вслушаться в ее движение, почувствовать ее полет, ощутить ее острый дразнящий аромат?

Глядя на недоуменное лицо Лунца, он усмехнулся и с оттенком мечтательности продолжал:

— Вечность! Что такое ваша звездно-галактическая эпоха, эти жалкие десятки миллиардов лет по сравнению с вечностью? Ничтожная микросекунда в бесконечном вихре времени. Чем это качание мирового маятника лучше остальных, ему предшествовавших? Тех бесчисленных качаний, которые вы так бесцеремонно лишаете права на разум?

Нахмутив брови, Лунц вдумывался в его слова.

— Так вы полагаете, — недоверчиво начал он, — что разум возникал многократно? В разные эпохи, на разных качаниях мирового маятника, как вы выражаетесь?

— Конечно, — убежденно сказал Даль, — разум — одно из неотъемлемых свойств развивающейся материи. И, как сама материя, как само движение, он существует вечно, только в разных формах и на разных уровнях.

— Допустим, — Лунц все еще размышлял, — допустим, что разум существует вечно, и порассуждаем.

Он крепко потер себе лоб ладонью.

— Смотрите, что получается. За несколько сот лет, сделав колоссальный скачок в развитии, люди приобрели огромную власть над природой. Мы полностью овладели Землей, осваиваем солнечную систему, готовимся к звездным полетам. Подумайте теперь, какого могущества достигнет человечество через миллион или, скажем, через десять миллионов лет.

Рисунок М. ПЕТРОВА

— А через десять миллиардов? — тихонько подсказал Даль.

— Да, а через десять миллиардов? — Лунц даже головой встряхнул. — Трудно, чудовищно трудно представить себе это! Ясно одно: все силы природы будут поставлены на благо и пользу человеку. Наверное, само понятие стихии потеряет свой изначальный смысл, потому что все стихийные силы попадут под внимательный и жесткий контроль. Наверное, человек заселит всю обозримую вселенную до самых границ метагалактики и преобразует ее по своему образу и подобию сверху донизу!

Он пожал плечами и поднял глаза на Дая.

— А теперь вернемся к допущению, что разум вечен, как и сама вселенная. Какого могущества он должен достичь в ходе своего нескончаемого развития? И во что он превратит вселенную? Неведомые разумные должны буквально кишеть вокруг нас, пронизывая своей деятельностью все сущее!

— Конечно, — согласился Даль, — эти разумные должны подталкивать нас под руку, когда мы несем ложку с супом ко рту, заглядывать в лицо и хихикать, когда мы объясняемся в любви, вступать с нами в длинные душевные беседы, когда мы одиноки и нам не спится. И вообще они должны быть надоедливы и невыносимы. Шутка ли, существовать вечно!

— А если без шуток, — без улыбки спросил Лунц, — если разум вечен, то почему мы так одиноки? Почему никто не отвечает на наши призывы? Почему мир так пуст и холоден?

— Видят лишь познанное, — негромко и серьезно ответил Даль, — то, что уже открыто внутреннему взору разума. А вы, люди, еще не поднялись до осознания вечных категорий, вы еще смотрите на мир со своей, сугубо человеческой точки зрения.

— Не слишком ли все это туманно?

— Можно и проще, вы все сравниваете с собой. Много и мало, быстро и медленно, долго и коротко — все это измерено в сугубо человеческих мерках. Вы все, грубо говоря, мерите на свой аршин.

— А разве это не естественно?

— Естественно, но нельзя забывать об условности такой естественной мерки. Особенно когда речь идет о такой всеобъемлющей категории, как бесконечная вселенная. Колоссальная громада солнца — пылинки в метагалактике, а пылинки, танцующая в солнечном луче, — целая вселенная по ядерным масштабам. О любом объекте, будь то звезда, электрон, человек или вирус, нельзя сказать, велик он или мал. Он и то и другое и в то же время ни то, ни другое. Все зависит от того, каким масштабом его измеряют и с чем сравнивают. Вы искали следы разумных, но каких? Примерно таких же, как и вы сами, люди.

— Ну, — решительно возразил Лунц, — тут вы преувеличиваете!

Даль улыбнулся.

— Я говорю не о внешнем облике, не о том, на кого похожи разумные, — на людей, муравьев, спрутов или раскидистое дерево. Я говорю об их пространственно-временной сущности, о масштабах их деятельности. Вы будете порядком удивлены, если повстречаете разумных ростом с десятиэтажный дом.

— Пожалуй, — согласился Лунц.

— Вы будете удивлены, но тем не менее сумеете их обнаружить. Ну а если разумное существо имеет протяженность в миллиарды километров? Не сопоставите ли вы тогда результаты его деятельности со стихийными силами природы?

— Ну-у! — только и смог выговорить Лунц.

— А если кроха атом для разумных целая галактика, — в том же легком, полухушутливом тоне продолжал Даль, — если наша секунда закручивает в себе тысячелетия их истории, то сумеете ли вы обнаружить следы их деятельности?

Лунц молчал, и Даль продолжал задумчиво и печально:

— Может быть, подрывая атомные заряды, вы устраиваете для этих разумных мини-миров жесточайшее космическое бедствие, и они уже давно и тщетно взывают к вашему благоразумию и осторожности. И разве есть гарантия, что колоссальная трудность термоядерной реакции не в том, что вы сталкиваетесь с их тайным, но упорным противодействием? Вы уверены, наконец, что некие неведомые мегаразумные никак не приложили руки к формированию любезных вашему сердцу звезд и галактик, может быть, совершенно бездумно разжигая свой рыбачий мегакостер на берегу неведомой огненной реки?

— Это похоже на сказку, — без улыбки сказал Лунц.

— А разве есть что-нибудь сказочнее и неисчерпаемое вселенной?

Лунц усмехнулся заинтересованно и недоверчиво.

— И этот самый центр, представителем которого вы являетесь, поддерживает контакты со столь разномасштабными цивилизациями?

— В этом-то вся сложность и прелесть его деятельности!

— Непонятно! Почему же вы тогда игнорируете человечество?

— Почему же игнорируем? — ответил Даль. — Центр наблюдает за человечеством, так сказать, со дня его рождения. Но, к сожалению, этот контакт носит односторонний характер. Человечество пока не доросло до общения с центром.

— Ого!

— Что поделаешь, — посочувствовал Даль, — человеческое общество еще страшно далеко от совершенства. Люди до сих пор не могут справиться сами с собой, они угнетают и убивают друг друга, а ваша цивилизация в целом все время балансирует на грани ядерной катастрофы.

— Но у нас есть и социально справедливые, коммунистические страны! Я — представитель одной из них.

— Есть, — согласился Даль, — но где гарантии, что научная или техническая информация, переданная центром этим странам, не попадет в другие руки? Нет, центр не может рисковать.

— Рисковать? Чем? — полюбопытствовал Лунц.

Даль улыбнулся.

— Вы доверите своему малолетнему сыну заряженное ружье?

— Только этого и не хватало!

— Вот видите. А с точки зрения центра, человечество — тоже ребенок. Ребенок способный, но избалованный и не чуждый

дурных наклонностей. Еще неизвестно, что получится из него, когда он вырастет.

Даль засмеялся, весело поглядывая на озадаченного Лунца, и шутливо закончил:

— Вот когда вы наведете порядок на всей планете и покажете себя по-настоящему мудрыми ребятами, центр, может быть, и пойдет на контакты с вами.

Лунц хмыкнул недовольно.

— Не слишком ли спесив этот ваш центр?

— А вы как думали? Представители центра явятся пред ваши светлые очи и доложат, что так, мол, и так, прибыли для устройства счастья рода человеческого? У нас хватает и других забот. Максимум, на что вы можете пока рассчитывать, — это хороший подзатыльник, если зайдете слишком далеко в своем озорстве.

— Что это еще за подзатыльник? — спросил Лунц.

— Не посягайте на профессиональные тайны!

— Но все-таки, — не унимался Лунц, — центр только и занимается раздачей подзатыльников или у него есть и более серьезные задачи?

— Беда с этими командирами кораблей, — сокрушенно вздохнул Даль. — Свобода действий развивает у них излишнее любопытство. Ладно, так уж и быть, чтобы скоротать время, поделюсь с вами некоторыми тайнами. Центр решает две основные задачи. Первая — сохранение разума. Ведь разум — это нежнейший и тончайший цветок из всех, когда-либо выращенных из материального лона. Нет ничего проще, чем погубить его, когда он только-только распускает свои лепестки. И сколько таких цветов гибнет во вселенной, несмотря на все наши усилия!

Даль задумался, опершись подбородком на согнутую руку.

— А вторая задача? — подтолкнул его Лунц.

— Она прямо противоположна первой, — поднял голову Даль, — ограничение разума. Когда хрупкий цветок дает особенно удачные плоды, а плоды попадают на благоприятную почву, они дают потомство, способное противостоять любым невзгодам. И нередко случается, что в таких условиях разумные начинают катастрофически множиться и расселяться, порабощая вселенную. Иногда этот стихийный процесс, пройдя стадию самосознания, входит в берега уготованной ему природой реки. А иногда превращается в мутную лавину, бездумно сметающую все и вся на своем пути. Прогресс, идущий ради самого прогресса, прогресс, замыкающийся в самом себе, рано или поздно вырождается в жестокую экспансию, полную самозамыкания и презрения ко всему, что лежит за его пределами. Страшные плоды иногда дает хрупкий цветок разума.

— И что тогда? — тихонько спросил Лунц.

— Тогда мы и даем забывшейся цивилизации крепкий подзатыльник! — усмехнулся Даль.

— А если это не помогает? — гнул свою линию Лунц.

Взгляд Даля обрел пугающую глубину.

— Тогда мы принимаем более радикальные меры.

— А все-таки?

— Случается и так, что спокойные звезды, вроде вашего

солнца, которым как будто бы назначены миллиарды лет безмятежного существования, вдруг вскипают и сбрасывают свои покровы. И тогда жгучий плазменный смерч новоподобной вспышки выжигает окружающие планеты. Гибнут псевдоразумные сообщества и их творения. И все начинается сначала, — Даль грустно улыбнулся. — Тем и хорош наш мир, Дмитрий Сергеевич, что в нем все рано или поздно начинается сначала.

— Если вы существуете, то вы порядком жестоки, — хмуро и медленно проговорил Лунц.

— Мы не пацифисты, — с неожиданной резкостью, без обычной шутливости ответил Даль. — Пацифизм сродни глупости, а подлинная разумность далека от бездумного милосердия и либерализма. Неуместный гуманизм так же вреден, как и неуместная жестокость.

Даль выдержал паузу, соскочил с подлокотника кресла на пол и засмеялся.

— Надеюсь, вам не наскучили мои шутки?

— А вам не попадет за то, что вы выбалтываете мне свои профессиональные тайны? — вопросом на вопрос ответил Лунц.

— Нимало, — в своем обычном легкомысленном тоне ответил Даль, — я ведь вступил в контакт не с человечеством, а с отдельным человеком. Кто вам поверит, если вы расскажете о происшедшем? В лучшем случае заработаете себе славу галлюционирующего космонавта и распрощаетесь со своей работой. А потом есть особое обстоятельство, которое дает мне право на откровенность.

В тоне, которым Даль произнес последнюю фразу, было нечто, сразу заставившее насторожиться Лунца. Он поднял глаза и встретил глубокий неулыбчивый взгляд.

— Настало время откровенности, Дмитрий Сергеевич, — негромко с необычной мягкостью продолжал Даль. — Я уже рассказывал вам, что, обнаружив гибнущий корабль, не знал, на что решиться: прийти к вам на помощь или предоставить все естественному ходу вещей. Говорил я и о том, что меня осенила оригинальная мысль, касающаяся вашей будущности. Я не сказал только, какая это мысль.

— Какая же? — настороженно спросил Лунц.

Он уже не мог шутливо относиться к этому странному разговору и теперь весь подобрался, интуитивно предчувствуя опасность. Развязка, однако, оказалась совершенно неожиданной.

— Я предложил центру вашу кандидатуру в качестве патруля, — отдельно проговорил Даль.

Некоторое время Лунц с недоумением смотрел на него, потом с облегчением рассмеялся:

— Вот уж не ожидал такой чести!

Но Даль не принял шутки и серьезно ответил:

— Вы заслужили ее своим поведением в ходе аварии на этом корабле.

— Забавно, — Лунц упрямо придерживался легкого тона. — Кто бы мог ожидать такого поворота судьбы? Патруль вечного разума! Что же делает такой патруль?

— Рядовой патруль — пассивный наблюдатель.

— А вы рядовой? — не отставал Лунц.

Даль усмехнулся.

— Нет, я уже не рядовой. Я — патруль специальный, транс-галактический.

— И что это значит?

— До чего же вы любопытный человек, Дмитрий Сергеевич! Я могу принимать самостоятельные решения.

— Например?

— Как видите, я могу вербовать патрулей.

— Только-то? — хитровато щурясь, протянул Лунц.

Даль, посмеиваясь, покачал головой.

— Я могу наделать таких дел, что и сам потом испугаюсь.

— А может быть, вы просто пугливы?

— Судите сами: я в силах прекратить глобальную или даже межпланетную войну, создавать целые континенты или разрушать планеты, гасить и зажигать звезды.

— В общем, вы бог, — без улыбки подытожил Лунц.

Даль покачал головой.

— Нет. В мире бездна недоступного не только для меня, но и для всего сообщества разумных. Выдуманные боги всемогущи, а мы ходим дорогами, которые проложены законами природы. Мы люди, только люди, Дмитрий Сергеевич.

— Люди, — проговорил Лунц и в глубоком раздумье опустил голову.

— А ведь я жду ответа на свое предложение, — мягко напомнил Даль.

Лунц вскинул на него глаза, усмехнулся.

— А нельзя ли мне стать халифом багдадским или римским императором?

— Нет. Но патрулем стать вы можете. Если захотите.

— А если не захочу?

Глаза Даля стали печальными.

— У вас нет другого выхода, Дмитрий Сергеевич, — тихо сказал он.

Смутная, пугающая догадка мелькнула в сознании Лунца, он постарался не обращать на нее внимания, но тем не менее настороженно спросил:

— Нет другого выхода?

— Стоит мне покинуть борт лайнера, — проговорил Даль, — как флуктуации радиоактивности возобновятся. И скорее всего в течение нескольких ближайших секунд последует взрыв.

Лунц ни на секунду не усомнился в правдивости этих слов. Он поверил в трагичность ситуации так же естественно и просто, как раньше согласился поиграть со своим странным гостем в веселую и многозначительную словесную игру.

— Так, — пробормотал он, провел ладонью по лицу и попытался пошутить, — отпуск-то у меня, по крайней мере, будет достаточный?

— Отпусков не будет.

Даль подошел ближе и положил руку на спинку командирского кресла. Лунц избегал смотреть ему в глаза.

— Больше того, — голос Даля звучал негромко, но сердце Лунца сжималось и ныло все сильнее, — вы никогда, никогда не вернетесь на Землю. Вы не будете даже знать, где она находится. Полное забвение прежней родины — неременное условие патрульной жизни. Но у вас будет другая — прекрасная

и гармоничная отчизна. У вас будет все другое — знания, возможности, интересы, любовь и семья. А Земля навсегда затеряется в просторах космоса. Вместе с вашим прошлым.

Лунц прямо взглянул в глаза Даля.

— Это все равно, что умереть и родиться заново.

— Разве это плохо?

— Плохо, — твердо ответил Лунц.

Глубокие понимающие глаза Даля стали печальными.

— Но ведь нет другого выхода, — словно про себя сказал он.

— Как же нет? — гневно спросил Лунц. — Вы же почти боги!

— Мы не боги, — виновато ответил Далья, — мы люди, только люди!

Он уже понял все раньше, чем сам командир лайнера, и теперь ждал неизбежной развязки.

— Люди не боги, — как-то безнадежно сказал Лунц, почти машинально нащупал нужную кнопку и нажал ее.

Защитный экран большого иллюминатора отъехал в сторону, открывая черное мрачное небо, полное звездного огня. Глаза Лунца obeжали знакомый рисунок созвездий, легко нашли голубую красавицу звезду и потеплели. Слабая улыбка выступила на губах.

— Люди! — повторил он тихо.

Прикрыв глаза, он с пугающей ясностью припомнил шепот разнотравья под свежим ветром, медовый запах цветов, ленивый полет облаков в бездонной синеве неба, смеющееся лицо жены, поправляющей волосы, и озабоченную мордашку сына, крадущегося с сачком в руке к равнодушной бабочке-красавице. И сурово сказал:

— Пусть все идет своим чередом. Прощайте, Север Далья.

— Прощайте, командир.

В этом ответе прозвучало многое — понимание, ясная грусть, легкий упрек и едва уловимая ирония. Этот ответ повис в воздухе, ожидая продолжения. Но Лунц не сказал ничего и даже не обернулся. Он неотрывно смотрел на ослепительную голубую звезду, которая призывно смотрела ему прямо в глаза из мрака вечной ночи.

